

МОСКОВСКОЕ ЗОЛОТО

ИЛИ НЕЖНАЯ ПОПА КОМСОМОЛКИ

АЛЕКСЕЙ ХРЕНОВ

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Хренов

**Московское золото, или Нежная
попа комсомолки. Часть четвёртая**

«Автор»

2026

Хренов А.

Московское золото, или Нежная попа комсомолки. Часть четвёртая
/ А. Хренов — «Автор», 2026

Когда "Небо - твоё поле боя, а каждый полёт шаг как по лезвию!" Скучать некогда!1937! Добро пожаловать в Гражданскую войну в Испании! Война не прощает ошибок, а судьба любит пошутить.Лёха Хренов морской лётчик, оказавшийся в самом центре этого огненного ада.Воздушные битвы, спасение товарищей, взрывы мостов, смертельно опасные миссии, прыжки с парашютом, разведка, диверсии всё это становится его новой реальностью. Истребитель или бомбардировщик, погони и засады, смех и боль, дружба и предательство Лёха несётся сквозь вихрь войны, балансируя между жизнью и смертью.Один вираж и всё в его жизни может перевернуться.

© Хренов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Вдох глубокий, руки шире!	5
Глава 2. Улыбаемся и машем!	11
Глава 3. Это всё потому что у кого-то слишком узкие двери!	17
Глава 4. Говорят мы бяки-буки!	23
Глава 5. Как выносит нас земля!	29
Глава 6. Удача пахнет керосином	35
Глава 7. Лайди-лайди, лайди-лайдай...	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Алексей Хренов

Московское золото, или Нежная попа комсомолки. Часть четвёртая

Глава 1. Вдох глубокий, руки шире!

Вторая половина июня 1937 года. Штаб франкистов, самый центр города Авила, 100 км от Мадрида.

Комендант Авилы, майор Хуан Менендес, был разбужен среди ночи так, будто уже начался Страшный Суд.

Сначала позвонил дежурный офицер и с надрывом в голосе проорал, что на мост напали, что взрывы, стрельба, часовые мертвы и вообще «¡Dios mío!». Затем связисты сообщили, что связь с блокпостом на мосту пропадала. За ними последовал этот железнодорожный придурок со станции, который кричал в трубку так, что Менендес почти физически чувствовал его слюну у себя в ухе.

Но самым неприятным был звонок командующего фронтом.

– Менендес! – заревел генерал, едва комендант поднял трубку. – Вы что там, спите?! Что у вас с мостом?! Дорога перекрыта! Поезда стоят! Боеприпасы не могут пройти, подкрепление застряло! Вы понимаете, что это значит?!

Менендес сдержал стон. О, он прекрасно понимал, что происходит!

– Синьор генерал... – начал он.

– Закройте рот! – рявкнул Гомес. – Если вы в ближайший час не обеспечите прохождение составов с боеприпасами, то завтра я лично отправлю вас в окопы, и там вашу толстую задницу республиканцы используют по назначению!

Трубка грохнулась на рычаг.

Менендес остался сидеть в тишине, тупо глядя на телефон.

Суки! Козлы в больших погонах! Мост-то выдержал! Да, был взрыв. Да, были жертвы. Но охрана героически сумела сохранить мост! Однако этого, видимо, было недостаточно.

За последние полчаса ему позвонили все, кто мог. И даже те, кто не мог, тоже позвонили.

От мэра, вопившего, что гражданские требуют разъяснений, до какого-то связиста с аэродрома от какого-то Кнюппеля, который вообще не понял, почему его дёрнули среди ночи и зачем ему теперь лично докладывать коменданту, что самолёты готовы взлетать.

– Дьявол вас всех подери, – пробормотал Менендес, хватаясь за виски, с удовольствием посылая в задницу и мэра, и аэродром.

Рассвет уже приближался, а он не спал ни минуты. В штабе царил хаос.

Он уже отдал все необходимые приказы. Поднял всех, включая комендантскую роту и жандармов. Сапёрам приказал проверить мост до последнего камня. Кроме того, на прочёсывание местности был брошен маршевый батальон из свежего пополнения.

Теперь оставалось ждать.

Но, честно говоря, в глубине души комендант сильно сомневался, что они найдут этих проклятых республиканцев. Если эти ублюдки были достаточно хитры, чтобы пробраться к мосту незамеченными, то и уйти они тоже умели. Но раз сам генерал приказал – значит, надо искать.

В пять утра Менендес не выдержал.

Когда в трубке раздался голос начальника штаба армии, орущего, что движение поездов к чёртовой матери парализовано, что в Саламанке стоят составы с боеприпасами, Менендес окончательно понял – пора!

Получив доклад от командира сапёров, что мост, похоже, цел, но требуется дополнительная проверка, он наорал на ни в чём не повинного капитана и душевно шваркнул трубку на рычаг.

Хуян Мендес взял бутылку, плеснул в стакан, залпом выпил, морщась от крепкого привкуса.

Поставив стакан на стол, он потер красные глаза, затем махнул рукой в сторону дежурного офицера:

– Отстучите по телеграфу: Дорога в порядке. Пусть пускают поезда.

Мост устоял. А значит, ему всё-таки повезло.

Вторая половина июня 1937 года. Пасторальный пейзаж в окрестностях города Авила.

Обсудив озвученный Лёхой план, сотоварищи стали готовиться в меру сил и возможностей.

В силу ограниченной подвижности Илью затолкали в кабину Шторьха вручив ему пулемёт и коробку с патронами.

На скулёж Старинова, что он спарится сидеть в этой консервной банке в такую жару, наш авиационный специалист не колеблясь предложил его тут бросить, а лучше сразу и пристрелить, чтобы не мучился.

– Времени заталкивать одноногого капитана Флинта в аэроплан точно не будет! —

– Капитан Флинт был одноглазым! – поправил нашего специалиста Старинов.

– Одноглазым говоришь! – уставился на него Лёха с жуткой ухмылкой.

– Э! Э! Хренов ты это брось! Не надо на меня так пристально смотреть!

Изрядно помудовавшись, Лёха снял правую дверь, и теперь пулемёт имени Хайрема Максима в исполнении товарища Токарева грозно уставился своим стволом за пределы самолётника.

– Будешь стрелять, главное не попади сюда – наш герой ткнул в подкосы крыла, – А то крылья сложаются и мы точно скопытимся куда-нибудь.

Таким образом наш попаданец автоматически стал главной действующей диверсионной единицей.

Он напряжённо вглядывался в унылую окружающую его действительность. Солнце уже поднялось достаточно высоко, чтобы разогнать ночную прохладу, и тени начали укорачиваться. День вступал в свои права, а это означало, что с каждой минутой оставаться здесь становилось всё рискованней.

– Ты говоришь, вчера первый состав прошёл в восемь? – Лёха покосился на Илью, который сидел в кабине самолётника, привалившись спиной к противоположному борту и глядя ноющую ногу.

– Угу, – хрипло отозвался Старинов, поднимая усталые глаза. – Четыре состава. Первый в восемь, потом один в четырнадцать, перед обедом, ещё один вечером, в восемнадцать тридцать и последний уже почти после заката, в двадцать три.

Лёха бросил быстрый взгляд на часы. Половина седьмого утра.

Не понятно. Если франкисты придерживаются расписания, то до появления поезда у них есть ещё минимум полтора часа. Но было ли оно неизменным? Кто знает, как повлияла ночная диверсия. Учитывая, что мост не рухнул, составы могли уже пойти, а могли и задержаться.

Солнце пригревало уже во всю и маскировка из веточек стала ощутимо увядать. Разглядывая окрестности, Лёха размышлял. Ему не нравилось сидеть сложа руки в ожидании, особенно когда ситуация оставалась неоднозначной. В итоге он вылез из-под крыла "Шторьха" одёрнул ремень, проверил Браунинг и сказал Илье:

– Я быстро прошвырнусь по окрестностям. Вон недалеко каменный пупок какой-то торчит, попробую залезть на него, посмотрю вокруг... Ты если что, кричи, должно быть слышно.

– Главное не геройствуй, Хренов, сразу используй ноги, – пробормотал разомлевший в кабине Старинов. Было видно, что он сам жалеет, что не может пойти в разведку.

Лёха кивнул и трусцой побежал к каменному выступу, торчавшему примерно в километре от самолёта. Это был невысокий, но удобный для обзора холм с почти голой вершиной – ни деревьев, ни густых зарослей, только серые, выветренные временем камни. Примерно десять минут он карабкался вверх, цепляясь за выступы, нащупывая трещины в скалах, пока наконец не выбрался на вершину.

Он вскарабкался на выступ, упёрся руками в горячий от утреннего солнца камень, стряхнул пыль с ладоней и, прищурившись, высунулся вперёд.

Опа! Железная дорога.

Всего каких-то пятьсот-шестьсот метров до неё – прямая видимость. И вокруг только редкие кусты, скопления камней, пересечённый рельеф – приличного укрытия, за которым можно было бы спрятаться, не наблюдалось. Рельсы вились вдоль долины, поблёскивая в утреннем свете, словно глядя прямо ему в глаза. Словно напоминая, насколько близко он оказался к линии движения вражеских войск.

Но это была только половина беды.

Лёха напряг зрение, посмотрел в сторону Авилы – и внезапно застыл.

Охренеть!

Где-то в трёх километрах по обе стороны от рельсов двигалась цепь людей. Движение было медленным, размеренным, как будто эти ребята никуда не торопились, но Лёха отлично знал, что это значит.

Испанцы не оставили инцидент у моста просто так и начали прочёсывание местности. Облава активно развивалась.

– Никогда такого не было и вот опять! – высказался Лёха себе под нос, процитировав незабвенный мем от Виктора Степановича, и судорожно облизал губы.

Франкисты шли цепью, медленно, методично. Они осматривали кусты, заглядывали в низины, изучая в каждую складку местности. Насколько он мог видеть цепь растянулась около километра в их сторону.

И если уж они прочёсывают вдоль рельсов, то их маршрут проходит в опасной близости от их с Ильёй поляны с самолётом!

Лёха судорожно сглотнул, вжимаясь в нагретый камень. Ему казалось, что сердце стучит настолько громко, что его могли бы услышать даже эти солдаты вдалеке.

Вот дерьмо же...

Он перевёл взгляд на холмы. Там, за скалами, кустами и редкими деревьями, оставался их тщательно замаскированный «Шторх». Он стоял среди густых зарослей, но этого может быть недостаточно. Если хоть один из патрульных свернёт чуть в сторону, если кому-то вздумается заглянуть в ту рожицу...

Лёха медленно выдохнул, заставил себя сфокусироваться и стал вглядываться в другую сторону.

Там, на северо-западе, где-то за холмами, должен был показаться поезд. Где он? Хоть бы дымок паровоза, хоть бы проблеск пара, хоть бы металлический отсвет на рельсах...

Товарищ напряг зрение, всматриваясь в даль... Вроде есть маленькое чёрное пятнышко. Или это блики...

Лёха снова бросил взгляд на цепь приближающихся солдат, прикинул скорость их движения и свои шансы добраться обратно.

Надо валить. И чем быстрее, тем лучше.

Он осторожно отодвинулся от края, медленно развернулся и, стараясь не срывать камни вниз, начал спускаться.

Вторая половина июня 1937 года. Палаточный городок немецкой эскадрильи, аэродром в окрестностях города Авила.

Капитан Хервиг Кнютпель был искренне возмущён. Нет, он был не просто возмущён – он был в ярости!

Его, офицера доблестного рейха, аса Люфтваффе, человека с безупречной родословной, и ещё более ярко сверкающей репутацией, послал в задницу какой-то грязный, вшивый, небритый испанский комендант!

Это было настолько невероятно, что его сознание сначала просто отказалось воспринимать реальность.

Когда в палатку влетел бледный как простыня телефонист и, заикаясь, начал что-то сбивчиво объяснять на испанском, Кнютпель не сразу уловил смысл. Нет, он вполне был способен общаться на этом языке папуасов. Мог заказать себе пива в баре или договориться с местной сеньоритой о благосклонности, но тут... тут пришлось посылать за переводчиком.

Эта свинья из Восточной Фрисландии, толстый, неповоротливый Фокко Поппен появился через полчаса, сонный, с недовольной физиономией, зевая так, будто его насильно оттащили от чего-то действительно важного – например, очередного куска жаренной колбасы.

Фокко Поппен лениво козырнул начальнику, покосился на взъерошенного телефониста, перевёл взгляд на капитана Кнютпеля, который всё ещё сидел с лицом человека, не до конца понимающего происходящее и тяжело вздохнул.

– Что опять?

– Разберись с этим идиотом, – рявкнул Кнютпель, тыча пальцем в телефониста. – Этот кретин не может толком объяснить, *что именно* мне передал испанский комендант города!

Фокко Поппен вальяжно махнул дрожащему телефонисту рукой, мол, давай, говори, и с полминуты молча слушал сбивчивый испанский поток.

Упитанный переводчик прищурился и стал задавать короткие вопросы и выслушивать на них пространственные ответы.

Внезапно, его лицо расплылось в широкой ухмылке и стало похоже на масленичный блин с маленькими щелчками глаз.

А потом он заржал. Громко и заразительно. Как умеют ржать толстые, наглые и годящиеся уже только на колбасу или там на сосиски люди.

Так, что у телефониста задрожали коленки, а у капитана лицо стало красным от подозрения, что смеются вовсе не над испанцами, а *над ним лично*.

– Что?! – рявкнул Кнютпель, глядя, как Фокко Поппен буквально рыдает от смеха. – Что он сказал?!

– Ха-ха... господа, ну и день... – Поппен облокотился на стол, вытирая глаза, перевёл дыхание и, всё ещё посмеиваясь, сообщил: – Вас послали в «пешее эротическое путешествие», Хер Капитан!

Кнютпель моргнул. Осторожно подался вперёд.

– *Куда послали?* – вкрадчивым шёпотом поинтересовался он.

– Ну... – Фокко Поппен расплылся в улыбке, – суть в том, что этот испанский ублюдок предложил вам, как бы это сказать... отправиться в далёкое путешествие *совершенно одному*... в коричневое отверстие в тыловой части организма и желательно *очень долго не возвращаться*...

Кнютпель секунду молчал, впад в ступор. Затем он задумчиво приподнял бровь.

Потом тихо поинтересовался:

– Это в ... Задницу что ли?

– Так точно, Хер Капитан! Именно вас и именно в задницу! – громко на весь штаб озвучил Фокко Поппен лучезарно улыбаясь.

Кнюппель моргнул. Помолчал. Задумчиво почесал бровь. Посмотрел на телефониста и потом повторил:

– Эль куло? Дер Арш? В... задницу?

Телефонист видимо понял этот международный поток слов и отчаянно кивнул, весь вытянувшись в струнку.

Капитан медленно, словно пережёвывая сказанное, перевёл взгляд на аппарат, затем снова на телефониста, затем снова на аппарат.

– Ты... ты хочешь сказать... – он говорил медленно, с ужасом осознавая реальность, – что этот грязный испанец... этот... этот деревенский козопас... этот офицеришка какой-то третьесортной комендатуры... послал меня... *меня*... в задницу?!

Телефонист сглотнул и снова медленно, обречённо кивнул.

Кнюппель заходил по палатке, размахивая руками, потрясая кулаками, хрипло бормоча проклятия, перемежающиеся с «Himmel!», «Donnerwetter!» и прочими немецкими экспрессивными выражениями.

– Я... я лично... я этому козлу... – он развернулся к телефонисту, ткнув пальцем, словно обвиняя его в измене, – я этому грязному испанцу *покажу*, что значит немецкий офицер!

Фокко Поппен лишь хмыкнул:

– Ну, удачи. Ветер в спину так сказать. Только напомним – наш мордастый генерал *просил* не портить отношения с испанцами. Они очень нужны нашему фюреру!

Кнюппель замер. Поджал губы и с трудом проглотил то, что собирался выдать вслух.

– Я... этого так не оставляю, – наконец, процедил он.

Вторая половина июня 1937 года. Пасторальный пейзаж в окрестностях города Авила.

Лёха мчался к маленькому самолёту, спрятанному в кустах, что было сил. Если бы сейчас нашёлся кто-нибудь, кто замерил бы его скорость, то, он бы очень удивился. Может быть, чемпионом Олимпийских игр он бы и не стал, но вот кандидатом в мастера спорта – запросто.

По мнению автора, для полного чемпионства спортсмену не хватало стимула. Например только что подожжённой динамитной шашки в кармане галифе или разъяренной тигра, кусающего за галифе. А так наш герой немного подхалтуривал. Однако первый разряд по бегу на пересечённой местности он точно брал, причём с приличным запасом.

Лёха, продираясь через кусты, перескакивая через кочки и корни, мысленно отмечал, что давно так не бегал. Секунд десять назад ему казалось, что он несётся со всех сил, но когда впереди мелькнули знакомые очертания «Шторьха», он каким-то чудом ещё прибавил. Наверное, рефлекс. Или инстинкт самосохранения, который громко вопил в его голове: «Быстрее, чёрт тебя дери, иначе останешься тут навсегда!»

Самолёт был уже в нескольких десятках метров. Лёха перепрыгнул через последние кусты, выскочил к машине и, запыхавшись, рванул к кабине, на ходу скользнув ладонью по капоту, словно приветствуя боевого товарища.

Пихнув разомлевшего от жары Илью, Лёха автоматически щёлкнул тумблером магнето и выругался. Он-то был готов к тому, что придётся запускать двигатель вручную, но сейчас, с адреналином в крови и горящими пятками, необходимость бегать вокруг самолёта казалась особенно идиотской.

– С добрым утром, командир! Вдох глубокий, руки шире! – заорал он, трясая Старинова за плечо. – Не спешите три-четыре! Утренняя зарядка! Просыпайся, через пять минут сюда толпа злобных папуасов набегит, и, боюсь, нас они не побалуют!

Илья открыл глаза, моргнул, увидел Лёху, который уже метнулся к капоту, и глубоко зевнул, явно стараясь вернуться в реальность.

– Уже, встаём и уходим, – хрипло пробормотал он, сгибая больную ногу и силясь подняться.

Лёха тем временем выскочил из кабины, упёрся руками в винт и коротко, нервно прокричал себе:

– Давай, «Чебурашка», не подведи!

Рывок. Винт дёрнулся, мотор чихнул один раз ... но не завёлся.

Лёха подогнал винт вверх и дернул за него ещё раз, вкладывая весь свой бараний вес в рывок.

Рывок. Мотор выстрелил пару раз и пыхнул вонючим дымом... Громче и дольше, чем в первый раз. И снова заглох...

Лёха снова провернул винт, поймал момент компрессии, громко и затейливо выругался и со всей силы крутанул лопасть винта вниз...

Глава 2. Улыбаемся и машем!

Вторая половина июня 1937 года. Пасторальный пейзаж в окрестностях города Авила.

После двух подряд попыток прокрутить винт и завести аэроплан, посаженная курением дышалка кончилась. Лёха склонился и упёрся в колени, стараясь отдышаться.

«Если мотор не заводится, значит или бензина нет, или искры. Или бензин идет не в тот цилиндр, где есть искра. Или искра фигачит туда, где нет бензина. Видать никак они не встретятся...» – вихрь мыслей пронёсся в голове нашего героя.

Время утекало, словно песок сквозь пальцы. За спиной, где-то там, за кустами, методично двигались франкисты. И если сейчас, вот прямо сейчас этот бюргерский мотор не оживёт...

Он с усилием прокрутил винт пару раз, стараясь поймать момент сжатия, компрессия в цилиндрах чувствовалась. Вроде бы вот так...

– «Чебурашка»! Я тебе все уши оболтаю! Живо заводись! Сейчас сюда крокодилы набегут! – прохрипел Лёха, поднимаясь на носках, чтобы дать максимальный мах пропеллеру. Собрав всю силу, и в третий закинул старик невод... тьфу, третий раз крутанул винт с такой яростью, словно пытался сдвинуть этим проклятым «Шторьхом» саму землю.

Двигатель кашлянул, выплюнул вонючий выхлоп прямо в нос нашему товарищу, словно возмущаясь таким к себе отношением, и вдруг – взревел и заработал!

– Есть контакт! – Лёха развернулся и рванул обратно к кабине, надеясь, что Старинов уже проснулся от звука такого громогласного будильника со встроенной вибрацией.

Вторая половина июня 1937 года. Противоположная сторона пасторального пейзажа в окрестностях города Авила.

Лейтенант запаса Педро Очоа – из уважаемого рода потому что, понимаете ли, совершенно не хотел воевать. От слова совсем.

Ещё две недели назад он спокойно ходил по утрам в свою юридическую контору в Саламанке, уютно восседал за широким столом из красного дерева, подписывал жалобы, любовно составлял иски и с удовольствием представлял своих клиентов в судах. Особенно приятно было, когда он защищал одну сторону, а его кум, та ещё сволочь, между нами конечно – противоположную. А потом они оба брали деньги с истца и ответчика и, конечно, делились с судьёй за "правильное" решение.

Ах, какое это было время!

В обед он ходил в ресторан напротив, смаковал свой "меню дель дия" с бокальчиком прекрасного винца, неспешно болтал с коллегами о последних сплетнях. Обсуждал, сколько стоило право на бордель в центре города и главное, как это удалось залегендировать перед женой борделе-владельца или как "вытащить" кузена клиента из долговой ямы, да так, что он теперь всю оставшуюся жизнь будет работать на ловкого юриста. Работа была не только прибыльная, но и душевная.

Но нет же!

Какое счастье, что его мама не дожила до этого позора! Она его всегда говорила маленькому Педре:

– Педро Очоа, ихо мио! Слушай, что тебе учительница говорит! А то останешься тупым и пойдёшь в армию!

Правда потом почти шёпотом добавляя – Как твой тупой отец.

И вот оно!

Чёрт бы побрал этого Франко и его мобилизацию!

Нет, Педро Очоа, конечно, как любой уважающий себя человек, культурно купил индульгенцию – аккуратную такую, со штампами, подписями, на самом настоящем гербовом листе! Она освобождала его от всех военных обязанностей и гарантировала, что он продолжит зани-

маться своими такими важными юридическими делами на благо генерала Франко. Педро Очоа даже повесил портрет этого презренного камадрильо в своей конторе!

Но! Этот чёртов майор.

Этот говнистый майор Эстебан Кастро, который не вовремя занёс свою жирную тушу в его контору, хотел развода!

И всё бы ничего – таких клиентов у Педро Очоа было предостаточно и среди военных. Но! Случилась ошибка! Это даже хуже, чем преступление! Что бы его компаньону гореть в аду на самой большой сковородке! Его компаньон не разобрался вовремя в родственных связях, и оказалось, что жена этого майора – эта страшная, вечно громко орущая, габаритами напоминающая двух беременных мулов Кончита Сосо – была дочкой какого-то очень важного генерала! И главное друга чуть ли не самого Франко!

И вот он плачевный результат.

Педро Очоа уже вторую неделю числится командиром этого сраного батальона! Он вынужден орать на солдат, махать руками и пытаться пинками и кулаками сделать из этого сборища бездельников, алкоголиков и тупиц хоть какое-то подобие боеспособного подразделения. А ему это надо!

Сначала он надеялся, что всё образуется. Он договаривался, подмазывал, писал письма – и почти уже перевёлся в охрану города, ко много уважаемому сеньору Мендесу. В сравнении с полевыми условиями это был почти курорт – мягкий матрас, тёплый суп, бордель в шаговой доступности и никакого фронта или вылазок в дикую местность.

Но тут этот чёртов мост.

И теперь вместо того, чтобы сидеть в кабинете и наслаждаться составлением рапортов и отчётов, он с этим проклятым сбродом топает по холмам, прочёсывая местность, пытаясь поймать каких-то республиканских шпионов.

Вы думаете, они ловят шпионов?

Да ничего подобного!

Главное в облаве это чтобы никто не прое**ал оружие, не отстрелил себе яйца или не выстрелил случайно в соседа и самое главное – не сбежал к чертям собачьим!

И тут...

Педро Очоа нахмурился и остановился, замерев.

Вторая половина июня 1937 года. Пасторальный пейзаж в окрестностях города Авила. Изначальная сторона.

Лёха лихорадочно сдирал ветки с самолёта, проклиная всех и вся на этом свете – и себя за излишнюю предусмотрительность, и этих чертовых франкистов, так не вовремя пожаловавших в гости, и даже Илью, который вместо того, чтобы помочь, скорбно вздыхал, полулежа в кабине, опираясь на пулемёт.

Заранее трогать маскировку попаданцу было стрёмно – не дай бог заметят раньше времени. Теперь же, носясь вокруг тархтящего на холостых оборотах самолётика и рискуя попасть под лопасть винта, он судорожно выдирает ветки, сучья и листья, разбрасывая их в стороны. Всё вокруг напоминало подготовку к неведомой сельскохозяйственной катастрофе – листья летели в лицо, ветки кололись, пыль забивалась в глаза, но время поджимало, и задерживаться было нельзя.

– Ну что, как там дела? – поинтересовался Илья Старинов из кабины, перекрикивая грохот двигателя.

– Не дождётесь! И уж точно пока лучше, чем у всех этих ребят за кустами, – сквозь зубы ответил Лёха, выдергивая остатки зелени и одновременно вытягивая шею, чтобы попытаться разглядеть, не приблизилась ли к их позиции цепь солдат франкистов.

– Ты мне тут философию не разводи, залезай давай! – крикнул Илья.

Лёха отшвырнул последний пучок зелени, убедился, что крылья и хвост полностью освобождены, и моментально запрыгнул в кабину.

Привычно окинув взглядом приборы, он поёрзал тощей задницей по сиденью и на автомате обернулся, проверяя, как Илья устроился на своём месте пассажира. Увидев Старинова прикинувшего к пулемёту с заправленной лентой, он улыбнулся. И тут же получил сумасшедший оскал в ответ.

– Ну, понеслись по кочкам ...

Перекрестившись на всякий случай – вдруг сверху кто подстрахует? – Лёха двинул сектор газа до упора.

Моторчик взревел, винт завертелся с диким свистом, и маленький «Шторьх» рванул по не слишком ровному полю, весело подпрыгивая на кочках и ямах. В кабине эта «весёлость» выражалась в бешеной тряске и рывках, от которых зубы лязгали, как у зубного врача без наркоза.

– Вот это трясёт... – клацал сзади зубами Старинов, вжимаясь в сиденье и стараясь зафиксировать пулемёт.

– Это он только разминается! – крикнул Лёха, удерживая машину на некотором, достаточно условном курсе.

Земля под ними лихорадочно мелькала – трава, кочки, какие-то выбоины – проклятье, он даже не заметил, что поле было настолько ухабистое! Колёса барабанили по грунту, самолёт било так, что, казалось, ещё немного, и его можно будет собирать по частям.

Но... ещё чуть-чуть!

Потянув штурвал на себя, Лёха почувствовал, как «Шторьх» нехотя, словно упрямый мул, оторвал колёса от земли.

– Давай, «Чебурашка»! Старайся! Взлетай, не позорь меня...

Маленький самолётик, наконец, разорвал связь с землёй, выровнялся, и стал шустро набирать высоту. Внизу, в конце поля, макушки деревьев уже стремительно неслись им навстречу. Лёха ещё чуть-чуть дотянул штурвал, проходя буквально в десятке метров над верхушками.

И тут, буквально в последний момент, он увидел их.

Прямо под ними, всего в сотне метров, по полю, пригибаясь и озираясь, двигалась цепь франкистов. На несколько секунд солдаты замерли, словно не веря своим глазам. А потом стали радостно махать им руками. Сразу несколько винтовок вскинулись вверх над головами, но выстрелов не последовало.

Лёха только усмехнулся, давая машине ещё больше газу.

Маленький самолётик с франкистскими крестами на крыльях и черным кругом на фюзеляже, взмыл прямо над головами идущих цепью пехотинцев Франко..

– Эй, Илья! Улыбаемся и машем! – Лёха повернулся к Илье и приветливо махал в ответ проносящимся внизу по правому борту солдатам. – Как думаешь, в каком веке последний раз в этих краях видели самолёты с фашистскими крестами, да еще так близко?

Их аэроплан на всей возможной скорости устремился вверх, оставляя позади цепи франкистов, которые, приняв его за свой, даже не подумали поднять тревогу.

Лёха ухмыльнулся и, не удержавшись, слегка качнул крыльями, будто приветствуя наземные войска. В ответ с земли ему снова радостно замахали, не ожидая подвоха.

Но в этот момент за спиной коротко простучала пулемётная очередь.

Лёха аж дёрнулся в кресле, покосившись назад, увидел, как Илья, прижав приклад пулемёта к плечу, хмуро всматривается вниз.

– Ты чего творишь?! – проорал он что было силы, перекрикивая рёв мотора.

– А ты глянь туда, – хрипло ответил Старинов, махнул рукой указывая на землю.

Лёха скосил глаза вниз и только сейчас заметил, что насыпь железной дороги разделяла две цепи прочёсывающих местность франкистов. Те, что находились ближе к их самолёту, действительно приняли их за своих и радостно махали им всеми подручными средствами. А вот вторая цепь, находившаяся за железнодорожным полотном, как раз сейчас бросалась на землю, пытаясь уйти от свинца, который только что полетел в их сторону.

Лёха уже собирался выдать очередное крепкое слово, как увидел, что франкисты с обеих сторон насыпи в замешательстве начали палить друг в друга.

– Они... они реально думают, что их обстреляли враги?! – Лёха чуть не поперхнулся.

– Ну, на месте тех, кто за полотном, я бы тоже так подумал, – проорал Илья, поправляя пулемёт.

Снятая дверь открывала ему шикарный обзор и прекрасный сектор обстрела, но дуло из нее нещадно. Ветер порывами гулял по всей небольшой кабине маленького самолётика.

Внизу началась неразбериха. Те, кто находился ближе к самолёту, теперь уверенно палили в сторону насыпи, те, кто за ней – отвечали огнём, всё больше погружаясь в панику.

Лёха сжал губы, разрываясь между желанием как можно быстрее уйти отсюда и желанием остаться посмотреть, чем всё это закончится.

– Сделал гадость – сердцу радость! – радостно пропел он, наблюдая, как франкисты внизу активно перестреливаются, поливая друг друга свинцом.

– Хрен с ними, Лёха, давай валим отсюда! – рявкнул ему на ухо Старинов, разглядывая цирк внизу. – Пока никто не понял, что случилось.

Лёха заржал, не в силах сдержать веселье от увиденного бардака внизу. Франкисты продолжали палить друг в друга, не понимая, кто первый открыл огонь. А он, воспользовавшись суматохой, резво завёл машину в вираж, набирая высоту и направляя её на запад, вдоль железной дороги.

«Цирк уехал...» – подумал пилот боевой табуретки, сумевшей внести хаос в развернутые порядки противника.

– Я всегда знал, что эти ублюдки сами друг друга перестреляют, – в восторге орал Илья, скалясь во все свои тридцать два зуба. – Надо только немножко помочь вначале!

Вторая половина июня 1937 года. Небо над окрестностями города Авила.

Лёха, не переставая ухмыляться, уверенно завёл машину в крутой левый вираж, самолёт встал на крыло почти вертикально, Илья сзади раскорячился придавленный пулемётом.

«Ох! А с правым виражом надо аккуратнее! А то Илья повторит свободный полёт немецкого механика...» – он быстро стабилизировал аппарат в горизонтальном полёте.

Набирая высоту, он вывел самолёт на северо-запад, вдоль полотна железной дороги, изви- вающейся, как гигантская змея среди холмов. Рельеф был сложный – видно, что строителям пришлось изрядно попотеть, пробивая путь через эти зелёные складки земли.

Вспомнив карту, Лёха сориентировался и через пять минут они пересекли первый тун- нель. Чёрный провал в горе мелькнул под крылом – достаточно короткий, метров четыреста, а буквально в двух километрах впереди уже виднелась арка второго, чуть длиннее, около пяти- сот метров. Железная дорога буквально выписывала внизу петли.

Лёха сосредоточенно всматривался вперёд, когда вдруг сзади раздался радостный рёв Илья:

– ДЫМ! Лёша! Паровоз! Вон смотри, впереди, справа!

Лёха чуть не дёрнул штурвал от неожиданности.

– Где?

– Вон там! – Старинов ткнул рукой вперёд, в сторону горизонта.

И правда – далеко впереди, на горизонте, над землёй парило крошечное тёмное облачко дыма. Оно подрагивало в нагретом воздухе, словно мираж, но с каждой секундой становилось всё чётче, приобретая форму.

Султан густого чёрного дыма вырывался из трубы паровоза, взмывал в чистое синее небо, клубился над верхушками деревьев и размазывался жирным хвостом в жарком воздухе. Чуть ниже мелькали серебристые точки – солнце отражалось в окнах вагонов.

Лёха сузил глаза, пристально вглядываясь в приближающийся состав. Скорость у поезда приличная, они неслись навстречу составу и приближались к нему быстрее, чем хотелось.

– Ну что, по плану? – пробормотал он, чуть повернув голову, но не отрывая взгляда от цели. – Сколько у тебя патронов?

Старинов проверил коробку под пулемётом, прикинул остаток и на секунду задумался, оценивая ситуацию. Затем достав запасную ленту из-под сиденья, стал её менять:

– Одна полная на двести пятьдесят и еще около сотни примерно в старой.

– Тогда как обсуждали! Делаю сейчас круг, догоняем состав с хвоста, со стороны Саламанки. Снижаюсь и ловим его перед туннелем.

– Погнали! – крикнул Илья, потом широко улыбнулся, блеснув зубами, и утвердительно кивнул.

Лёха, не скрывая азартного огонька в глазах, уверенно наклонил машину влево, выходя на курс для обхода поезда.

Через пятнадцать минут, дав широкий круг, Лёха снова стал сближаться с составом, на этот раз уже догоняя его.

Впереди уверенно дымил паровоз, выбрасывая в небо густые клубы дыма. Видно, уголь был сомнительного качества – за поездом тянулся плотный, чёрный след, будто гигантская змея в бескрайнем испанском небе.

За локомотивом тянулась длинная цепь товарных вагонов. Лёха начал их считать и сбился на втором десятке.

«Фиг с ними, штук двадцать пять – тридцать...» – решил он

Пассажирских среди них не наблюдалось, но стоило Лёхе внимательнее всмотреться, как его взгляд зацепился за нечто куда более неприятное.

Открытая платформа, обложенная мешками с песком, прицепленная сразу перед паровозом.

А на ней – похоже станковый пулемёт.

Какой именно, пока разобрать было сложно, паровоз закрывал её часть, но суть от этого оставалась неизменной.

– Да уж... – тихо выдохнул Лёха, сжимая штурвал.

И самое мерзкое во всей этой картине было даже не это.

Такая же платформа с мешками и пулемётным расчётом была ясно видна и в самом хвосте состава...

И если там стояло что-то типа «Максима», а франкисты решат повеселиться, их с Ильёй и игрушечный аэроплан ссадят их с неба буквально за пару очередей.

Лёха сбросил газ, давая машине плавно опуститься, мягко подкрадываясь к поезду. Теперь он шёл метрах в ста слева от полотна, держа высоту в двести метров, стараясь не делать резких движений.

Лёха крепче сжал штурвал, прищурился, прикидывая, сколько у него есть времени, пока поезд не уйдёт в туннель.

С платформы в хвосте состава им уже махали тряпкой – похоже, приняли за своих. Франкисты, конечно, были не самыми доверчивыми лопухами, но кто станет подозревать немецкий самолёт с их же опознавательными знаками?

Лёха ещё чуть убрал газ, позволив самолёту мягко осесть, будто лениво наблюдая за поездом. Дорога внизу крутилась, уходя в петлю, подводя состав к тёмному провалу туннеля, спрятанному между складками холмов.

Лёха нахмурился, оценивая расстояние. Поезд шёл ровно, уверенно, как огромная гусеница, вползающая в своё логово. Вроде бы никто не кидался к пулемёту, не разворачивал в их сторону. Поравнявшись с крайней платформой, он начал обгонять состав.

Рассчитывать скорость? Да какой там к хренам расчёт!

Всё было в ощущениях. В потоке. В том, как идёт машина, как движется воздух, как складывается картинка в голове.

– Илья! Сядь повыше и лениво маши лапой этим придуркам! Как я заору – падай и лупи очередями в паровоз! – крикнул он, кидая короткий взгляд на Илью.

– Извозчик! За кобылой смотри! Ты мне прицел в последний момент не сбей главное! – буркнул в ответ Старинов, проверяя оружие. Но важно расселся над пулемётом и стал вальяжно помахивать лапой в ответ.

Лёха усмехнулся, и, набрав в лёгкие воздуха, плавно повёл машину вниз, сближаясь с паровозом.

Отступать было некуда.

До туннеля оставалось сто пятьдесят метров. Лёха уже поравнялся с паровозом и медленно его обгонял. Пара человек из расчета пулемета передней платформы сидели на краю и махали ему руками, что-то крича. Третий же не встал из-за пулемёта, хотя и не наводил на него ствол. Лёха помахал рукой в ответ экипажу придурков на передней платформе...

Секунда. Две. Три.

– Давай!!! – что есть мочи заорал иновременный попаданец.

Сзади послышалось грузное падение тела, словно мешка с картошкой, и гулко загрохотал пулемёт.

Но буквально на секунду, потом что-то звякнуло и очередь оборвалась...

Поезд мчался в туннель... Изумлённые испанцы грозили и орали в их адрес что-то явно не печатное.

– Бл***!!! – орал Илья, лязгая чем-то в пулемёте...

Глава 3. Это всё потому что у кого-то слишком узкие двери!

Вторая половина июня 1937 года. Небо над железнодорожным туннелем в окрестностях города Авила.

– Бл***!!! – заорал сзади Илья, лязгая чем-то в пулемёте... – Сука! Патрон перекосило!

Лёха только рыкнул в ответ, не отрываясь от управления. Он добавил газ, потянул штурвал на себя, плавно убирая механизацию. «Шторьх» послушно рванул вверх, перебирая лопастями воздух, подсакивая на турбулентности, оставленной паровозом.

Внизу поезд без единой заминки влетел в тёмное жерло туннеля, как в пасть ненасытного зверя, утаскивая за собой вереницу вагонов. Лёха, пересекая вершину холма, завалил машину в левый вираж, скользя по краю склона.

Вот и всё. Окно возможностей закрылось.

Он прикусил губу. Всё пошло не по плану. Через анальное отверстие! Теперь вряд ли их так просто подпустят снова. В лучшем случае отгонят очередью рядом. В худшем, что более вероятно, начнут стрелять на поражение без лишних разговоров.

А попасть под пулемётный огонь, сидя в крошечной, медленной и совершенно не защищённой машине – это гарантированное превращение в швейцарский сыр.

Лёха судорожно вспоминал в голове карту местности.

После первого туннеля железная дорога делала огромную петлю – изгибалась сначала влево, потом вправо, петляла по рельефу, а потом, километров через пять, снова ныряла в пологий холм, скрываясь во втором туннеле, метров на пятьсот. Холмы были пологими и спрятались там было абсолютно нигде.

Он прикинул, сколько времени у них есть.

Паровоз на таких поворотах не мог идти быстрее двадцати пяти – тридцати километров в час. Значит, у них было около десяти минут, прежде чем поезд доберётся до второго туннеля.

Лёха обернулся и искоса глянул на Старинава.

Тот тяжело дышал, морщась, в ажиотаже возился с пулемётом, проверяя патронник.

Очередь, что он дал, была очень короткая. Пять, может быть, шесть патронов. Критического удара по паровозу не вышло. Если только случайность не сыграла на их стороне и какая-нибудь шальная пуля не задела жизненно важный узел...

– Посмотрим, как паровоз себя поведёт после туннеля, – пробормотал Лёха, наклоняя голову, глядя вниз.

Если машинист поймёт, что на него было нападение, он мог попытаться ускориться, но не на много, профиль пути не даст, да и смысл. А мог наоборот, остановить поезд и поднять тревогу.

«Но это вряд ли», – усмехнулся неудавшийся диверсант. – А вот задняя платформа, скорей всего, ничего не видела. И вряд ли что-то слышала в таком грохоте...

А значит...

– И передать что-то в хвост – это надо по крышам бежать, – ухмыльнулся он, уже прикидывая новый манёвр.

А это шанс!

Вторая половина июня 1937 года. Палаточный городок немецкой эскадрильи, аэродром в окрестностях города Авила.

Капитан Кнюппель успокоился. Вернее, перегорел. Первая ярость, вызванная наглым поведением испанского коменданта, схлынула, но осадок остался. Просто так оставлять оскорбление он не собирался.

Когда поступил приказ выслать самолёты на патрулирование и поиск республиканских диверсантов, он, разумеется, не стал спорить. Годы службы научили его, что с начальством в армии не спорят. По крайней мере, не в открытую.

– Яволь! – бодро ответил он в трубку на приказ выделить самолёты, после чего добавил про себя, – А не пошли бы все в сралу, господа штабные офицеры! Только штаны просиживать да рапорты составлять умеете.

Приказ – это ещё не значит, что его нужно выполнять так, как хотят наверху.

Главное – исполнить его так, чтобы придрататься было невозможно. А что волосы на заднице встали дыбом у испанских камарадов, ну так кто же в этом виноват!

Кнюппель мгновенно отрапортовал о принятии к исполнению. Бумага ушла в канцелярию, и формально он подготовился и закрыл собственный тыл. Но теперь оставалось самое интересное – как именно он его выполнит.

Он вызвал начальника штаба эскадрильи.

– Фридрих, выделите один Heinkel 51, – сухо приказал он, сложив руки за спиной. – Пусть пройдёт от Авилы вдоль железной дороги до границы района и обратно.

Лицо капитана оставалось невозмутимым, но внутри он ухмылялся.

Республиканцы, с их новыми советскими истребителями, показали, что немецкие самолёты в одночасье превратились в старьё. И "Хенкель 51", ещё полгода назад бывший грозным оружием, стал просто устаревшим бипланом, который уже немного стоит в схватках с новейшими И-15 и тем более И-16. Эскадрилья спешно переучивалась на новейшие "мессершмитты". Сам Кнюппель буквально влюбился в скоростной и мощный истребитель.

– Получен приказ. Группа республиканских террористов, ориентировочно до роты, пыталась взорвать мост и теперь пытается унести ноги. Очень сомнительно, что они пойдут на запад, но приказ есть приказ и мы его исполним. Так что любая подозрительная активность внизу – открывать огонь без предупреждения.

Офицер кивнул, записывая.

– Остается открытым вопрос кого отправить на патруль в тыл. У нас каждый опытный лётчик на счету ... – в раздумье добавил Кнюппель.

Он сделал вид, что задумался, и «случайно» вспомнил, что недавно в эскадрилью прибыл новичок и как раз вчера получил допуск к самостоятельным полётам.

Зелёный и неопытный, но зато племянничек одного из начальников штаба "Кондора".

Вот его и отправим.

Если он накосячит – никто его не накажет, родственничек прикроет. Если же нарвётся на республиканцев – что ж, значит, судьба такая. В любом случае, Кнюппель будет чист, и придрататься будет не к чему.

Офицер кивнул, записывая имя новенького пилота – Отто Капутнахер.

– Будет исполнено, господин капитан. Остальные машины?

Капитан Кнюппель медленно, с явным удовольствием ухмыльнулся.

– Остальные машины... – он выдержал паузу. – Отправить на Мадрид. По пути пусть внимательно осмотрят землю на пути. Проинструктируйте лётчиков.

Офицеры переглянулись.

– Но главный приказ на сегодня от нашего генерала Шпеле – Кнюппель поднял глаза к потолку, намекая откуда у него сведения, – добиться значимой победы. Любой разумной ценой. Любой. Разумной. Ценой!

Это уже было не обычное патрулирование. Это была атака на республиканские позиции.

Кнюппель прекрасно понимал, что республиканцы не оставят удар по мосту без внимания. Они наверняка будут пытаться компенсировать провал, возможно, нанесут ответный удар по аэродрому или железной дороге.

Ну что ж. Вот пусть эти вонючие испанцы и думают, как выкручиваться. А так да, легион "Кондор" всё ещё их лучший союзник.

А он... Он в этот момент устроится в кресле, нальёт себе что-нибудь прекрасное и будет ждать. Ну может позовет какую сеньориту ... скоротать досуг так сказать.

Ждать, как обернётся эта маленькая война.

Вторая половина июня 1937 года. Небо над железнодорожный туннелем в окрестностях города Авила.

Лёха плавно накренил самолёт влево, проходя над пологими холмами. Он не торопился, стараясь сохранить высоту и не терять из виду выход из туннеля. Время работало на него – стоило только дожидаться, когда появится султан чёрного дыма, сигнализирующего о выходе паровоза на открытый участок.

Прошла минута, и вот, над верхушками деревьев, сначала робко, затем всё увереннее начал клубиться чёрный дым. Всё шло по плану.

– Илья! Еще минут пять и я зайду на паровоз! Как там пулемёт?

– Готов! Проверил всё что мог! – лаконично крикнул Старинов в ответ.

Лёха уже собрался заложить вираж, выходя на удобный угол атаки, когда внезапно...

Из-за холмов со стороны Авилы не высоко небе вынырнул одинокий биплан, несший на себе цвета франкистов.

"Хенкель пятьдесят первый" – автоматически выдало сознание.

– Ах вы толстые пожиратели сарделек! Вас вот тут только не хватает! ... – Лёха мысленно аж сплюнул от расстройства, как не вовремя появился немецкий самолёт. Он сбросил скорость и чуть прижался к земле.

Расстреливать паровоз под носом у немецкого самолёта было бы просто верхом изощренной формы самоубийства. Этот устаревший, но всё ещё скоростной манёвренный биплан мог превратиться в огромную проблему. В отличие от его «Шторьха», который, по сути, был мирным транспортником, этот аппарат был вооружён и передвигался быстрее них как минимум в два раза.

Лёха рефлекторно скорректировал курс, сместившись ещё ниже, к самой земле, сливаясь с рельефом местности. Он скользил над верхушками деревьев, стараясь держаться в тени холмов, но не терять из виду ни состав, ни биплан.

Биплан спокойно, казалось даже лениво чуть подправил курс и вышел прямо навстречу пылящему дымом паровозу.

И тут...

С передней платформы ударил пулемёт!

Тонкие огненные нити прошили воздух, и биплан, явно не ожидавший такого тёплого приёма от союзников, дернулся, словно ужаленный, свалился набок и тут же шарахнулся в сторону, совершая резкий манёвр уклонения.

Лёха даже моргнул о неожиданности.

Что-то было, чёрт побери?! Неужели франкисты настолько плохо разбираются в самолётах, что стреляют по своим же? Или это мы своим акробатическим выступлением так знатно подставили немца под пули франкистов?!

Но не успел он додумать, как "Хенкель" резко перешёл в атаку и, словно обиженный мышами орёл, сорвался вниз, в пикирование, нацелившись напрямиком на паровоз.

И секунду спустя он открыл огонь.

Тонкие огненные линии пулемётных очередей пересекались, множились, сходились где-то за холмами, в месте откуда валил в небо густой чёрный дым. Со стороны состава ответил пулемёт на передней платформе.

Теперь это был настоящий дуэльный поединок – пулемётный расчёт на поезде против самолёта.

– Сука недорезанная! – Лёха аж подпрыгнул в кресле, вцепившись в ручку управления. – Этот идиот сейчас испортит мне паровоз раньше времени! Где я ему другой найду!

Биплан, резким движением дёрнулся вверх, выходя из пикирования, прошёл вдоль поезда, продолжая поливать его свинцом, и, сделав вираж, снова пошёл на разворот.

Паровоз нёсся, выпуская из трубы густой чёрный дым. Машинист, видимо, инстинктивно дернул за свисток и окрестности огласились громким, пронзительным гудком.

Лёха, всё ещё державшийся на удалении, покачал головой, следя за развивающимся сюжетом.

– Упертый, зараза! Нет бы сразу свалить на доклад к своим камрадам.

Биплан снова заложил вираж, в этот раз заходя ещё круче. Теперь он заходил прямо на паровоз.

Немецкий пилот завалил машину в крутое пикирование, буквально падая на головы людей в пытящем внизу составе.

Трассеры снова потянулись к составу, спрятанному от взгляда где-то за холмами. Очередной заход и очередной шквал огня с обеих сторон. Франкистские пулемётчики на передней и задней платформах буквально сошли с ума от злости, поливая несущийся к ним самолёт длинными очередями.

Лёха, наблюдая за этим цирком, сощурился и лишь крепче сжал ручку управления.

Но у судьбы видимо были свои планы в этом противостоянии. Пилот биплана несколько не воспринял потенциальную опасность. Один точный выстрел с платформы, пуля попала в мотор и привет семье!

Лёха заметил, как самолёт дёрнулся, завалился на крыло, и из-под капота потянулась струйка темного дыма. немецкий биплан, судорожно подрагивая, выровнялся и развернулся прочь от состава, оставляя за собой дымный след. Лёха проводил удаляющийся самолёт пристальным взглядом. Казалось, поле битвы осталось за паровозом. Противовоздушная оборона железнодорожных войск победила в этом кратком столкновении военно-воздушные силы.

– Ну, значит, кто-то тут забыл, чьё небо... – высказался наш попаданец.

Он добавил газа и слегка поднял свой игрушечный самолётик над землёй, пилотируя так низко, как только мог, без опасения влетит куда-то на бегущем при выходе в свою атаку.

– Ага! – радостной Лёха усмехнулся вслед исчезнувшему вдаль биплану, повернул, направляя свой аппарат на перехват мятежного паровоза. Он накренил «Шторх», развернув его в нужном направлении и понесся вперед, стараясь выскочить прямо перед паровозом.

Шанс! Теперь или никогда! Он должен был успеть до того, как поезд нырнёт в следующий туннель!

Лёха мчался наперерез паровозу, напряженно вглядываясь в султан дыма за холмами и одновременно отруливая препятствия на пути. Казалось руки вцепились в ручку управления мёртвой хваткой. Маленький «Шторх» трясся в потоках воздуха, упорно рвался вперёд, обгоняя пространство.

Впереди же справа поезд тоже не сдавался. Паровоз с отчаянием беглеца нёсся к туннелю, утягивая за собой грохочущие вагоны, лязгая колёсами и выбрасывая из трубы чёрный угольный дым.

На миг Лёха глянул назад, кинув взгляд через правое плечо.

Илья, напряжённо сидел сзади, припав к пулемёту, его пальцы крепко сжимали рукоять приклада. Он неотрывно смотрел на приближающийся состав, выбирая момент. Перфорированный ствол нацеливал добычу, глядя в открытый провал двери.

– Готовься! – рявкнул Лёха, чувствуя, как сердце бешено колотится в груди.

Они выскочили над очередным холмом и цель внезапно появилась перед глазами – всего-то пятьсот метров. Четыреста...

Атака немецкого биплана не прошла даром! Передняя платформа больше не представляла угрозы. На ней был полный хаос – пули самолета вспороли защитные мешки с песком, изломанные тела пулемётного расчета валялись вповалку, ворох каких-то ремней, тряпок болтался по полу, а пулемёт безжизненно завалился на бок, пробитый очередью.

Но чертов поезд продолжал мчаться, словно берсерк в битве, ему было плевать на всё.

Лёха ощутил – они не успевают!

– Поздно – крикнул Лёха, прожигая взглядом расстояние. До состава ему оставалось метров триста.

Но чертов паровоз был уже в ста метрах от туннеля. Десять секунд и он исчезнет в спасительной темноте туннеля.

Он дал левую ногу, отворачивая «Шторх» чуть в сторону и открывая Старинову сектор для стрельбы.

– Давай! Илья! ДАВАЙ! – заорал он, что было мощи в лёгких, перекрикивая грохот мотора.

Сзади резко загрохотал пулемёт – отрывисто, злобно, словно кого-то пронзил приступ ярости. Стреляли длинными очередями, но убийственно точными очередями, на расплав ствола.

Огненная струя трассеров со свистом впилась в кабину машиниста. Вспышки осветили тёмные очертания внутри, на мгновение выхватывая хаотичные движения. Потом пули поползли дальше, прошивая броню, вгрызаясь в металл, пробивая заклёпки и прожигая путь к самому сердцу паровоза.

Паровозу оставалось пятьдесят метров до туннеля.

Старинов чуть повёл ствол, переводя огонь на котёл. Пули ударили в закопчённый металл, выбивая мелкие искры, разрывая его, словно гвоздями вгоняя боль в неистового железного зверя.

Тридцать метров до туннеля.

Монстр содрогнулся, но продолжал нестись вперёд. Он скрипел, скрежетал, натужно ревел паром и стоном железных суставов. Из пробоин в боку повалил пар, но он всё ещё шёл, упрямый, слепой, ведомый бездушной силой механизмов.

Пятнадцать метров до туннеля.

Лёха оглох от грохота выстрелов, пулемёт за ним плевался огненными стрелами не останавливаясь.

И тут...

Глухой хлопок разорвал воздух. Не взрыв, не треск – звук, скорее похожий на то, как огромная невидимая ладонь шлёпнула паровоз, словно гигантский охотник прихлопнул докучливую муху.

Металл не выдержал.

Сначала появилась тонкая, едва заметная струйка белого пара. Она рванулась в сторону, словно змея, нашедшая брешь в броне. Потом пар вырвался уже во все стороны, бешеный, слепящий, клубящийся, будто сам дьявол разверз пасть идохнул из преисподней.

Как и всякое слабое место, тонкий кожух котла не был предназначен для пулемётного обстрела. Разъярённые пули пробили метал, найдя путь к перегретому пару под бешеным давлением.

Оглушительный взрыв разнёс его в клочья. Обломки трубок – раскалённые, безжалостные – разлетелись в стороны, словно гигантские спагетти в безумном блюде. Пар рванул в стороны, огромное белое облако окутало голову состава.

По инерции паровоз исчез в тёмном жерле туннеля, увлекая за собой грохочущий состав. Вагоны, гружённые людьми и грузами, один за другим ныряли в чёрную пасть коридора в

холме, оставляя позади себя лишь дрожащий воздух и клубы пара, перемешанные с дымом и копотью.

Но скорость падала.

Вот первый вагон исчез в туннеле. Второй... Третий...

Состав замедлялся, точно зверь, загнанный в логово, но ещё не осознавший своей беспомощности.

Лёха, не теряя времени, чуть подтянул ручку управления, заставляя «Шторьх» плавно подняться вверх, уходя над холмом. Всё, что сейчас требовалось, – уйти в вираж, не попадая под огонь.

Очередь! Ещё одна!

С задней платформы поезда, словно последняя злобная насмешка, в их сторону полетела длинная очередь – она рванулась вверх, как огненный хлыст, прочертив небо прямо перед кабиной «Шторьха».

Рефлексы сработали быстрее разума.

Лёха рванул ручку на себя. Самолёт словно подпрыгнул вверх, потом закрутился влево, резким рывком снова устремился вверх, уходя из-под огня. Манёвр был жуткий – желудок тут же взбунтовался, выворачивая всё внутри, кровь хлынула к голове, а зрение на мгновение стало туннельным. Казалось, ещё секунда – и его вырвет прямо на панель приборов.

Но, чёрт возьми, сработало!

Очередь просвистела выше, пронеслась в пустоту, не задев ни машину, ни людей.

И вот...

Поезд замер.

Последние вспышки выстрелов затухли. Паровоз окончательно исчез в туннеле, утянув за собой почти все вагоны, оставив снаружи только четыре последних и злополучную пулемётную платформу в хвосте.

Время будто замерло.

Лёха глубоко вдохнул, переводя дыхание. Сзади Илья Старинов хлопал его по плечу, крутя рукой над головой и крича:

– Давай еще круг! Надо добить! Разворачивайся!

Глава 4. Говорят мы бяки-буки!

Вторая половина июня 1937 года. Небо над железнодорожным туннелем в окрестностях города Авила.

Поезд после взрыва котла, словно раненый зверь, рванулся вглубь туннеля, утягивая за собой вагоны, оставив снаружи, торчащие из-под каменного свода, только последние четыре вагона и заднюю платформу с пулемётом. Проклятый состав всеми силами цеплялся за жизнь.

– Надо добить! – закричал сзади Старинов, перегибаясь вперёд. – Сделай ещё один круг!

Лёха коротко кивнул, потянул ручку на себя, повёл машину вверх, вдавил педаль, заложил пологий вираж влево и вывел «Шторьха» прямо над туннелем, перпендикулярно железной дороге. Теперь поезд был как на ладони. Управитель немецкого аэроплана сбросил скорость, позволяя самолёту буквально зависнуть в воздухе, точно коршун, высматривающий добычу.

Сзади снова загрохотал пулемёт – тяжело, хлётко, длинными и безжалостными очередями. Грохот выстрелов перемежался с рваным металлическим визгом, эхом отдаваясь в пространстве.

Илья Старинов не жалел ленты. Он бил точно, жёстко, методично, удерживая линию огня на крышах вагонов. Трассеры рвались вперёд, прочерчивая в воздухе алые нити, впечатываясь в металл с глухими ударами. Первые пули очередей пробивали мелкие дырки, следующие уже вспарывали кровлю, а затем, словно хищники, жадно раздирали её в клочья.

Дерево не выдерживало и летело в щепки, крыши тресали, прогибаясь под натиском свинца. Где-то внутри раздавался звон разбитого стекла, кто-то с платформы внизу кричал, но этот звук мгновенно тонул в общем хаосе.

Из пробоин в вагонах взвивались тонкие струи дыма. Разорванные листы обшивки подрагивали на ветру, обнажая перекрученные балки и выбитые внутренности. Горячие клочья древесины и металла поднимались вверх, вихрем кружась в воздухе.

И тут...

Над крышей крайнего вагона появился пулемётный ствол, и, будто последний смертельный плевок, к самолёту рванулась очередь.

Огненная очередь взревела в небе, оставляя за собой алые хвосты, и рванулась прямо в брюхо «Шторьха». Визг пуль, рвущий воздух, пронёсся сквозь фюзеляж, заставляя машину содрогнуться от попаданий.

Всё произошло в одно короткое, жуткое мгновение, когда инстинкты оказались быстрее осознания.

Илья Старинов среагировал мгновенно.

Не целясь, чисто на рефлекс, он рванул пулемёт в сторону источника огня и полоснул очередью. Свинец с бешеной скоростью пронёсся по платформе, вгрызаясь в металл, вышибая куски настила. Пулемёт вздрогнул, будто не вовремя проснувшийся зверь, которого ткнули ножом в брюхо.

Где-то внизу кто-то дёрнулся, мелькнули руки, ухватившиеся за станину, но было уже поздно.

Пули, вспарывая воздух, пронеслись сквозь тело пулемётчика, перебили ленту, разворотили кожух ствола. Ствол задрался вверх, пулемёт, накренившись, словно ослепший, дёрнулся в сторону, выпуская последние патроны в пустоту.

Лёха, заметив успех, чуть отработал ручкой, чуть прижимая машину к холму под ним. Теперь оставалось только добить, чтобы поезд остался тут надолго, желательно навсегда. Самолёт, вроде бы, пока нормально отзывался на работу органов управления.

Хренов, особо не думая, дал правую педаль, разворачивая самолёт вдоль торчащего хвоста состава. Земля мелькнула под крылом, смазанным пятном ушла куда-то назад, а сам «Шторьх» почти повис в воздухе.

Сзади пулемёт продолжал яростно лупить. Илья бил уже не по крышам, а целенаправленно по бортам вагонов, прошивая их, как картон. Пули входили глубоко, вырывая наружу обрывки металла, дерева и всего, что попадалось на пути. Где-то внутри состава что-то загорелось, повалил едкий дым. Казалось, запах палёного железа и масла пробирается во всё вокруг. Даже через вой мотора и свист воздуха со стороны состава слышались взрывы.

И вдруг... щелчок. Пулемёт замолчал.

– Лента! – зло проорал Старинов, дёрнув бесполезный затвор.

И в этот самый момент, будто судьба решила сама поставить точку в этой мясорубке, вагон в хвосте поезда взорвался.

Всё началось с резкого хлопка, настолько громкого, что он перекрыл даже гул мотора. Следом вверх взвилась крыша, сорванная, будто крышка кипящего котла, разметав во все стороны горящие обломки. Металлические стойки стенок вагона разошлись, выгнулись наружу, выпуская изнутри ревущий поток огня. Взрывная волна швырнула пламя в воздух, будто гневная пасть дракона, изрыгнувшего свой последний, смертельный выдох.

Самолёт ударило горячей воздушной волной, дёрнуло, резко накренило и потащило вниз.

– БЛ**ДЬ! – заорал Лёха, судорожно цепляясь за ручку управления и двинул газ до упора.

«Шторьх» вздрогнул, дрожь пробежала по крыльям, ручка управления забилась в руках, мотор взревел, протестуя.

Самолёт, трепыхаясь, как бумажная птица на ураганном ветру, с трудом начал выправляться. Краем глаза Лёха видел, как вокруг проносились ошметки металла, горящие обломки, целые куски развороченного вагона, отлетевшие, словно выбитые зубы. Под ними проносились низкие кусты, хаотичные нагромождения камней и выгоревшая на солнце, словно старая холстина, трава.

Казалось, всё. Сейчас они рухнут вниз, в этот раскалённый ад, и наступит самый последний конец.

Но нет. Немецкая инженерия выдержала.

«Шторьх» вздрогнул ещё раз, ухватился за воздух и, вопреки всему, вышел из пикирования буквально в трёх метрах над землёй, едва не цепляя верхушки кустов.

Лёха, стиснув зубы, трясущимися руками потянул машину вверх. Медленно, тяжело, но она послушалась. Секунда, ещё секунда – и вот уже десять метров, двадцать, сорок...

И тут снова толчок.

Теперь не такой резкий, но всё же ощутимый.

Сзади, там, где ещё секунду назад был поезд, что-то с глухим рёвом ещё раз рвануло, и за ним пошла цепная реакция. Один за другим, с грохотом, огнём и выбросами дыма, взрывались оставшиеся вагоны.

Лёха вывел машину в горизонтальный полёт на сотне метров высоты, выдохнул сквозь стиснутые зубы и бросил взгляд в сторону туннеля.

Туннеля больше не было...

Там, где ещё минуту назад зияла чёрная пасть входа, теперь была лишь груда камней, из-под которых рвались языки пламени. Перекрученные куски металлоконструкций торчали в огненной массе, похожие на кости великана, погребённого под рухнувшей горой.

Вокруг лежали разбросанные обломки, в воздухе висела гарь, перемешанная с дымом и чем-то более едким, горьким, словно сама смерть оставила здесь свой след.

Прокладку железной дороги можно было начинать заново. Желательно в новом месте – так выйдет дешевле и быстрее.

Сзади раздался оглушительный вопль, заглушив даже гул мотора:
– ЕЕЕЕЕЕСТЬ!!!

Старинов не просто орал – он ревел, выплеснув всю накопившуюся напряжённость, всю злость, весь адреналин последних минут. Его голос был похож на боевой клич дикаря, который только что загнал в угол бешеного зверя или прижал в тёмном углу первобытную комсомолку и сейчас планировал... да какая разница, что он там планировал!

Не дожидаясь ответа, он принялся сотрясать Лёху за плечо, хлопая так, что тому пришлось захлопнуть начавшую улыбаться пасть, чтобы не прикусить язык.

– Лёха! Лёха, мать твою! Ты это видел?! Видел, как оно рвануло?!

Пилот этажерки, всё ещё мёртвой хваткой вцепившийся в ручку управления, только выдавил сквозь зубы:

– Вижу... и слышу... И если ты не перестанешь трясти меня, мы прямо сейчас присоединимся к празднику внизу.

– Да пошло оно всё! – радостно рывкнул Старинов, но, наконец, убрал руки. – Ну ты, товарищ Хренов, и псих! Просто ненормальный псих! Мы же были в трёх метрах от земли, в трёх! Я думал, не выйдем!

Лёха коротко выдохнул, чуть ослабляя хватку рукоятки. Пальцы ныли от напряжения, по спине стекала липкая испарина, но внутри уже разливалось знакомое ощущение – смесь усталости и осознания того, что они живы.

– Ага... – пробормотал он, проворачивая шею, – скажи ещё, что это я попал куда-то так.

– Да ты, чёрт побери, нас вытащил! – Старинов тряхнул головой, по-прежнему сверкая глазами. – Я думал, всё, кирдык к нам подкрался! Но нет, ты, придурок ненормальный, взял и вытащил!

Он снова хохотнул, откинувшись в кресле, а потом уже более спокойно добавил:

– Ну и дерьмовый же ты сукин сын, Алексей!

– Взаимно, – весело буркнул в ответ Лёха, следя за горизонтом.

– С такими же абсолютно дерьмовыми планами... – а потом совершенно не логично закончил, – Но мне нравится летать с тобой.

Лёха усмехнулся.

– Ты приходи ещё, покатаемся!

Вторая половина июня 1937 года. Палаточный городок немецкой эскадрильи, аэродром в окрестности города Авила.

Гауптман Кнютпель занимался исключительно важным делом. Он кушал.

И надо же такому случиться! Он был буквально выдернут из-за стола, не успев даже донести до рта наколотый на вилочку прекрасный кусок испанского хамона, когда в столовую влетел дежурный – бледный, как мел, и, задыхаясь, завопил что-то про садящийся самолёт.

– Что за херня?! – не стал изображать политкорректность господин гауптман, отбрасывая вилку и вскочив на ноги.

Он выбежал наружу, ещё не до конца понимая, что происходит, и в ужасе застыл.

Прямо на полосу заходил его биплан. Один из его бипланов.

Он качался, болтался из стороны в сторону, словно пьяный, заваливаясь то на одно крыло, то на другое. Колёса едва коснулись земли, когда машина снова высоко подскочила, чуть не встав на нос, но каким-то чудом не скапотировала. Оставляя за собой пыльный след, биплан помчался по полосе вперёд, шустро пробежал ещё несколько десятков метров и, словно вздрогнув, остановился у самого командного пункта.

Кнютпель выругался, сплюнул недоеденный кусок хамона и бросился к машине. За ним побежали все, кто был поблизости.

Из кабины, цепляясь за борта, вылез мальчишка – тот самый новенький, которого он утром отправил в патруль.

– Доннерветтер... – кто-то выдохнул.

"Я же отправил его в самый безопасный патруль! В тыл!" – в отчаянии лихорадочно раздумывал Кнюппель.

Да, да! Это был сам Хейно Капутнахер.

Он держался за задницу, ноги у него подгибались, а лицо было мокрым от слёз и пота.

Он рыдал. Нет, не просто плакал – это была настоящая истерика.

– Что с ним?! – спросил кто-то, но Капутнахер не мог выговорить ни слова, только судорожно всхлипывал.

Вперёд протиснулся медик, расталкивая толпу, и, не церемонясь, сдёрнул с немецкого лётчика штаны.

И тут кто-то присвистнул.

На белой коже упитанной задницы молодого пилота ровной линией шла здоровенная... Нет. ЗДОРОВЕННАЯ! Длинная и ровная, глубокая кровавая царапина, пересекающая его задницу наискосок.

Мальчишка ещё всхлипывал, а медик уже рылся в своей сумке, вытаскивая бинты и йод.

– Вот ведь ослиное дерьмо... – пробормотал техник, переглядываясь с коллегами.

Кто-то тихо засмеялся, но быстро замолчал, когда Капутнахер поднял голову, размазал по лицу слёзы с соплями и, заикаясь от волнения, начал говорить:

– Я... я... Я полетел! Как вы и приказали!

– А-а-а-а!!! – раздался душераздирающий крик, заставивший вздрогнуть даже самых хладнокровных наблюдателей.

Капутнахер взвыл так, будто его доктор пытал его каленым железом, а не просто обрабатывал рану. Он дернулся, едва не сбив медика, и вцепился в ближайший край крыла.

Доктор, не обращая внимания на агонию пациента, спокойно, методично и очень щедро лил йод прямо в пилотскую задницу на рану, словно святой водой окропляя грешника. От толчка лётчика жидкость разлилась, растекаясь по коже, и моментально впитываясь, превращая задницу в желто-зелёную картину абстракциониста.

– Ай-ай-ай-ай-ай! – Капутнахер заорал ещё громче, дёрнулся, но тут же схлопотал по затылку от доктора.

– Стой смирно, герой хренов! – проворчал медик, продолжая обрабатывать рану.

– Вы меня убиваете! – захлёбываясь соплями, взвыл Хейно. – Лучше бы пуля сразу в голову, чем этот ваш проклятый йод!

Вокруг раздалась смешка.

Лётчик Хейно Капутнахер стоял, придерживая дрожащими пальцами лётный комбинезон, пока доктор бинтовал его тыл. Он, заикаясь от волнения, выплёвывал слова, перескакивая с одного на другое.

– Я... я... на патрулирование! Осмотреть эшелон! Я увидел его... зашёл... осмотреть только!

Он снова всхлипнул, подтянул штанишки и наконец сумел закрепить их на талии.

– А они! Они сразу по мне очередь дали! Открыли огонь!

Толпа загудела.

– Кто они?! – рявкнул Кнюппель, перебивая истерику.

– ПОЕЗД!! – завопил Капутнахер. – Эти хреновы испанцы! Этот чёртов эшелон!

Кто-то нервно хохотнул.

– Я, как было приказано, зашёл в атаку, спикировал... Открыл огонь... Открыл огонь по эшелону! Попал. Попал в этот пулемёт. А они... Они...

Толпа в изумлении стала переглядываться и перешёптываться.

– Что, чёрт возьми?! – выдавил кто-то.

Вновь переживаемый ужас плескался в глазах пилота. Он судорожно кивнул, побелевшими пальцами вцепился в свой лётный комбинезон и произнес:

– А они изувечили мой самолёт к чёртовой матери и чуть меня не убили! Вот!

Капутнахер снова попробовал повернуться к начальнику задницей, чтобы продемонстрировать повреждённый тыл своего организма, но был остановлен решительным взмахом начальной руки.

А Кнюппель медленно перевёл взгляд на самолёт. Дыры на фюзеляже, пробитая стойка шасси, разорванное полотнище крыла... не сказать что бы критично, биплан действительно был подбит.

Но самое ужасное – его пилот атаковал дружественных испанцев...

Если разбираться, это запросто может привести ко всеобщему пи... Нет. К упитанному русскому пушному зверьку размером с корову! Значит...

Как из поражения сделать победу? Объявить о победе первым и объяснить, в чём именно она заключается. Главное не сомневаться и действовать быстро.

– ВСТАТЬ! – заорал Кнюппель, что вороны на ближайшем дереве дружно опорожнили свои желудки и взлетели с криком.

– СМИРНО! – Вороны дружно перешли на повышенную скорость махов крыльями и рванули прочь.

Капутнахер вскочил, забыв про раненую задницу, вытянулся по струнке, придерживая штаны руками и поедая начальство глазами.

Толпа шустро изобразила подобие строя и замерла, внемля откровениям командира.

Кнюппель медленно прошёлся перед замершими пилотами.

– Республиканские бандиты захватили эшелон! Они открыли огонь по нашим самолётам! Но!!!

– Наш бравый Капут... наш храбрый Нахер! наш доблестный Капутнахер!

– Невзирая на опасность, атаковал мятежников и уничтожил эшелон! Да! ВЕСЬ эшелон!

Не зря говорят, врёт как очевидец! И вот сейчас Кнюппель активно делал из окружающих самых убежденных очевидцев!

Он похлопал раненого засранца по плечу:

– Берите пример с нашего героя! С Хейно Капутнахера! Он был серьёзно ранен, но выполнил боевую задачу! – подвел итог своего короткого выступления.

– Хейно! За мной! – бросил Кнюппель и быстрой походкой помчался в штаб. К телефону!

Вторая половина июня 1937 года. Небо над железнодорожным туннелем в окрестностях города Авила.

Старинов завозился на заднем сиденье, пытаясь придвинуться ближе к краю, хотя и прекрасно понимал, что это не лучшая идея. Больная нога ныла, а открытая дверь сбоку словно манила вниз, туда, в пустоту. Но инстинкт любопытства оказался сильнее.

Он вытянул шею, приподнялся, почти высунулся наружу, цепляясь за обшивку, и, щурясь, посмотрел на правое крыло над головой.

– Придурок! Аккуратнее. Выпадешь нафиг со своей ногой! – Командир воздушного судна провёл краткий брифинг по технике безопасности полётов.

Где-то там, сзади, в вихре воздуха, мелькало и клубилось что-то странное.

– Лёша! – крикнул Илья, стараясь перекрыть рёв мотора. – А что это за след за нами тянется?!

Лёха, не отрываясь от контроля полёта, мгновенно напрягся.

– Какой ещё след?! – бросил он, дёрнув головой.

Старинов глубже высунулся, уже сильно рискуя сверзиться в открытый провал, но подтвердил увиденное:

– Полоса! Тёмная, будто дым от сигареты на ветру в жгут закручивается и тащится за нами!

Он вдохнул носом – и тут же поморщился.

– И бензином жутко воняет!

Лёха побледнел, быстро пробежался взглядом по приборам, и уставился на топливный датчик, а затем повернул голову вбок, пытаясь хоть краем глаза увидеть крыло, но ракурс был неудобный.

Если у них реально пробит бак, через пару минут стрелка начнёт опускаться быстрее, чем падающий в штопор самолёт.

Лёха быстро глянул вправо,

– Илья, ты видишь, откуда течёт?!

– Да прямо с правого крыла и течёт, ближе к фюзеляжу! – Старинов щурился, пытаясь понять, откуда именно уходит бензин.

Внутри у Лёхи всё сжалось.

Глава 5. Как выносит нас земля!

Вторая половина июня 1937 года. Правая сторона железнодорожного полотна со стороны города Авила.

Услышав стрельбу, Педро Очоа, упал первым. Ну или одним из первых.

Когда до него дошло, что одна часть его батальона радостно истребляет другую, засевшую с другой стороны железнодорожного полотна, он едва не сорвал голос, пытаясь остановить этот фарс. Педро Очоа почувствовал, как у него задергался глаз.

Он надрывал голос и размахивал руками, но впрочем не спеша подниматься.

– СТОП, ИДИОТЫ! НЕ СТРЕЛЯТЬ! – орал он, но его голос терялся в хаотичном треске винтовок.

Ещё несколько выстрелов, чей-то истошный вопль, и наконец грохот стих. С трудом остановив перестрелку, которую устроили его же бойцы с разных сторон железнодорожного полотна, подождав, когда к нему подойдут сержанты, он опасливо поднялся. Педро Очоа глубоко вздохнул, сжав кулаки так, что побелели костяшки.

– ЦЕЛЫХ ДЕСЯТЬ МИНУТ потребовалось, чтоб привести этих придурков в чувство! – выдохнул он сквозь зубы.

Когда, наконец, порядок был восстановлен, и бойцы перестали палить друг в друга, выяснилось самое интересное.

Его косорукие и косоглазые воины, которые никогда не могли попасть в мишень, тут вдруг проявив завидную меткость, ухлопали аж троих своих же товарищей!

– Браво, сеньорес! – процедил Педро Очоа, не веря своим глазам.

Ротные и взводные пытались навести порядок, собирая потрёпанных бойцов в шеренги, но Педро Очоа даже не обращал на это внимания.

Его злило не только то, что половина его батальона оказалась безмозглыми идиотами с винтовками, но и то, что теперь ему предстояло как-то объяснить, КАК ЭТО ВООБЩЕ МОГЛО ПРОИЗОЙТИ!

Так что Педро Очоа в этот момент срочно решал другую проблему: Как, мать его, отмазаться от заслуженного пендаля в свой юридически неподкупный зад? И тут до него дошло.

Он не успел отследить, когда и как, но... все трое убитых уже были раздеты и обобраны его трусоватыми орлами. Они были раздеты. Нет, не просто раздеты – их обобрали подчистую.

Бойцы его батальона, в прошедшем бою трусливо палили куда-то зажмурив глаза, но зато успели обшмонать убитых товарищей так, что у них не осталось ни сапог, ни поясов, ни даже носков.

Педро Очоа моргнул, осознал, что это значит, и... улыбнулся.

А почему бы и нет?

– Так даже лучше...

В голове быстро складывалась легенда.

Вот тебе, пожалуйста, и три шпиона! Тех самых, на поиски которых его отправили!

Он мысленно похлопал себя по плечу за находчивость и уже начал диктовать донесение своему начальнику штаба – бывшему мирному владельцу похоронного бюро, который, казалось, мог бы расписать на красивой бумаге даже собственную кончину.

Педро Очоа перевёл дух, сжал кулаки, на секунду закрыл глаза и, когда снова их открыл, начал диктовать донесение таким тоном, будто они только что захватили вражескую столицу.

– В самоотверженной атаке, при поддержке союзной авиации... – Педро Очоа не забыл лизнуть в задницу немцев, для солидности. Он сделал паузу для эффективности, – батальон уничтожил... отделение вражеских ...

Штабист моргнул, изогнул брови, выражая крайнюю степень удивления таким незначительным размером происшедшего. И не спеша записывать подобную глупость.

– Нет, что я говорю! Взвод!

Он прикинул число жертв и решительно добавил важности...

– Нет, ДО РОТЫ диверсантов!

Штабист тихо кивнул, грустно улыбнулся и принялся старательно выводить текст, словно писал важнейший документ в своей жизни.

Но тут...

Вдалеке грохнул взрыв!

Очоа резко повернул голову, приставляя руку ко лбу, вглядываясь вдаль.

Что там ещё?!

Ротные и взводные, отбросив все вопросы, начали быстро строить бойцов. Педро шурился на горизонт.

Что там ещё произошло? И кто снова начудил? Если не разобраться первым, то разберутся за него. А это последнее, чего ему хотелось.

– Бегом марш!

И он погнал своё потрёпанное, но теперь уже безусловно "победоносное" войско вперёд, надеясь новым героическим эпизодом культурно прикрыть свой прошлый косяк. И главное отвести любые подозрения, от того как он состряпал красивую, но совершенно фальшивую победу.

Вторая половина июня 1937 года. Небо в окрестностях города Авила.

Лёха пристально вглядывался в горизонт, прокручивая в голове карту местности. Он по мере возможности сориентировался и направил самолёт по прямой к позициям республиканцев. Но даже так до ближайшего аэродрома истребителей в Сото оставалось как минимум километров восемьдесят, а то и все девяносто.

К глубокому сожалению нашего героя, чуть в стороне под ним тянулась дорога из города в сторону аэродрома.

Движение на дороге было редким. Он обогнал пару пылящих грузовиков, несколько повозок устрашающего вида, запряжённых понурыми лошадьми. К счастью, просто марширующих по дороге пехотинцев он не заметил.

Дорога, поля, перелески и редкие рощицы мелькали под крыльями, но не давали главного ответа: где приземлиться?

Он снова бросил взгляд на приборную панель, и сердце сжалось неприятным холодком. Стрелка топливомера падала на глазах. Начав с половины бака, она уже перешагнула отметку четверти и уверенно приближалась к красной зоне. Бак не просто подтекал – он истекал, как пробитая артерия.

Услышав крик Ильи про утечку топлива, первым делом он щёлкнул тумблер, переключая подачу топлива на резервную магистраль. В душе молясь, чтобы был повреждён топливопровод, но, похоже, дело было в самом баке.

Лёха сбросил газ до минимальных оборотов, когда самолёт уверенно держался в воздухе, надеясь замедлить утечку топлива. Он снова огляделся в поисках места для посадки. Выбирать не приходилось – он либо сядет сам, либо самолёт сам сделает это за него. До республиканцев топлива не хватало в любом случае.

И сейчас перед ним во весь рост встал вопрос: где?

Лёха, не отрывая взгляда от горизонта, крикнул назад, перекрывая гул мотора:

– Илья, сколько у тебя патронов?!

Старинов, ворча, покопался под сиденьем, шаря в темноте среди всякого хлама – тряпок, кучи пустых стреляных гильз и какого-то мусора, который Лёха таскал с собой, будто это могло когда-нибудь пригодиться.

– Ща, погоди! – донеслось сзади.

Лёха на секунду оглянулся, а в этот момент Старинов радостно заорал:

– Ещё одна лента! Та самая, что ты привёз!

Он выдернул её наружу, размахивая трофеем, словно охотник, нашедший последний патрон перед атакой на медведя.

Лёха кивнул, облегчённо выдохнув. Хотя что-то.

Но тут же Старинов озвучил ещё одну новость:

– А вот еды, Лёша... еды вообще нет ни хрена!

Наступила короткая пауза.

Лёха только скривился, ощущая, как внутри неприятно сжался пустой желудок. Ел он, надо сказать, уже больше суток назад.

– Ну и ладно, пожрём потом... если доживём. – пробормотал он, снова сосредотачиваясь на управлении.

Сзади недовольно забурчал Старинов, явно не согласный с таким распределением ресурсов.

Лёха плавно заложил вираж блинчиком в сторону от дороги.

Ну же! Где хоть клочок нормальной земли?!

Пальцы сжались на ручке управления.

Перед ним стоял выбор, от которого зависело всё.

Уже потом можно было решать, что делать дальше – попытаться устранить течь и найти где-то топливо или поджечь самолёт и уходить пешком.

Первый вариант, конечно, исключительно рискованный. Даже если он залатает бак, то где взять бензин?

Второй – ещё хуже. Пешком по чужой территории, да ещё и с раненым Ильёй. Уже прошло больше суток с момента ранения, и, по-хорошему, нужно было срочно двигаться в госпиталь. Антибиотиков пока не было, и всё зависело от того, насколько хорошо и своевременно обработана рана.

Но всё это отходило на второй план.

Сначала – приземлиться.

И срочно.

Вторая половина июня 1937 года. Палаточный городок немецкой эскадрильи, аэродром в окрестности города Авила.

Гауптман Кнюппель точно знал главное правило выживания в армии: первый, кто доложит, того и тапки... в смысле тот и прав, и главное, задаст тон всей истории.

А если задать тон правильно...

Значит, можно не только избежать разноса, но и выжать из скользкой ситуации максимум пользы. Он колебался несколько мгновений, в голове выстраивая непротиворечивую, а главное, выгодную ему картину произошедшего.

Ложь должна быть простой. Ложь должна быть убедительной. Ложь должна приносить награды.

Кнюппель вздохнул, кивнул связисту и решительно взял трубку.

– Господин генерал. Так точно. – Голос его был чётким, уверенным, как будто он докладывал не выдуманную ахинею, а только что выигранное сражение за Мадрид.

– Докладываю! В соответствии с вашим гениальным приказом были отправлены самолёты на поиск бандитов.

Он сделал небольшую паузу, чтобы генерал успел осознать важность момента.

– Благодаря вашему предвидению, во время патрулирования была обнаружена диверсионная группа противника численностью до усиленной роты.

Хрен его знает, кто в кого и почему стрелял. А рота, да ещё и усиленная, звучит солидно.

– Бандиты сумели захватить поезд у этих идиотов... Э-э-э... этих разгильдяев испанцев. И прорывались на нём к линии фронта.

Кнюппель уже начал разгоняться, а дальше оставалось только разбавить историю красивыми мазками.

– Обнаружив захваченный эшелон, наш самолёт был обстрелян бандитами. Наши лётчики героически атаковали состав.

Факт.

– С риском для жизни, несколько раз пикировали на состав. Усилиями наших лётчиков эшелон был остановлен.

Факт. Ну, почти факт.

– С наилучшей стороны проявил себя лейтенант Капутнахер.

Полуправда.

– Да, наш мальчик, тот самый. Племянник нашего... да-да, ваш протеже.

Бинго. Неоспоримый факт.

Кнюппель даже услышал в трубке, как генерал шевельнулся и довольно заворчал что-то на том конце провода.

Теперь ударный момент:

– Он был серьёзно ранен, но сумел уничтожить состав мятежников!

"Был ранен" – сто процентный факт.

"Уничтожил эшелон" – это уже не полуправда. Это откровенная ложь.

Но КТО теперь будет проверять? И главное ведь, может, и правда уничтожил!

Наступила короткая пауза.

Кнюппель выжидал, слушал нравоучения генерала и ждал его реакции.

И вот, наконец...

– Есть написать представление на отличившихся к "Железному кресту".

Генерал поддержал его! Теперь эта история покатится по всем инстанциям, обрастая подробностями, как снежная лавина при сходе с горы.

Картина завершена. Остаётся только дорисовать детали.

Он положил трубку и медленно выдохнул. Отлично. Всё получилось даже лучше, чем он ожидал. Лёгкая испарина вышла на лоб, но внутри разлилось приятное тепло.

Теперь задача номер два.

Он поднял глаза на штабиста – хмурого, противного и молчаливого типа, который мог излучать скуку даже на праздновании собственного дня рождения в пивной.

– Нужно написать представления. – Кнюппель щёлкнул пальцами.

Штабист молча кивнул, занял место за столом и приготовил бумагу и ручку.

– Лейтенант Хьюно Капутнахер – за проявленную отвагу и героизм при уничтожении бандитов – Железный крест второй степени.

Штабист кивнул, неторопливо скрипя пером и периодически макая его в чернильницу.

– Наши лётчики, принимавшие участие в налёте на Мадрид, посмотрите там в расписании, кто именно – упоминание и благодарности в приказе по части.

Штабист вновь кивнул. Перо закрипело по новой, выводя красивые буквы на листе бумаги, превращая вымысел в историю.

Гауптман Кнюппель сделал паузу, опёрся руками на стол и задумался.

Потом медленно, совершенно не дрогнув, выдал последнее дополнение:

– Гауптман Кнюппель... Железный крест первой степени.

Штабист на мгновение поднял глаза. Тяжёлое молчание зависло в воздухе.

– Обер-лейтенант Краутеншвайн... наградить...

С лица штабиста стало можно писать картину "Опять двойка".

– Нет! Это недостаточная награда, – на ходу переобулся Кнюппель, – Обер-лейтенант Краутеншвайн... Выписать денежную премию из нашего фонда эскадры.

Штабист заулыбался, опустил взгляд обратно на бумагу, кивнул в третий раз и перо снова закрипело, превращая вымысел в исторические факты для потомков.

Кнюппель довольно откинулся на стуле:

– Вот так, ребята, делается история! – довольно щурясь продекларировал гауптман.

Вторая половина июня 1937 года. Небо в окрестностях города Авила.

Лёха ещё раз прошёлся глазами по земле, стараясь разглядеть хоть что-то, что напоминало бы нормальную посадочную площадку.

И вот – метрах в четырёхстах от дороги, за небольшим перелеском, мелькнуло поле. На первый взгляд ровное.

Не идеально, конечно, но лучше, чем врезаться в холмы или пикировать в гущу деревьев.

Хренов завёл самолёт в плавный вираж, прошёл над полем, внимательно всматриваясь в неровности, развернулся, делая крюк над дорогой.

Грузовики и повозки остались далеко позади, никто не выглядывал из перелеска с винтовкой наготове, и в воздухе не было ни одного вражеского самолёта.

Казалось, они тут одни.

Наш герой, не отрываясь от управления, крикнул назад, перекрывая гул мотора:

– Илья, держись изо всех сил, садимся!

Сзади донеслись невнятные ругательства и возня – Старинов, похоже, пытался найти, за что ухватиться, одновременно проклиная всё на свете.

Не отвлекаясь на разговоры, Лёха старалсяшний раз не накренять самолёт, филигранно работая ручкой управления и педалями, плавно зашёл на посадку.

Шасси коснулось земли – сначала мягко, потом резко подскочило на неровности.

Самолёт запрыгал, словно на брусчатке, пару раз чуть не завалился набок, но Лёха держал его, стиснув зубы.

Несколько долгих секунд машина болталась, как пьяная, но затем успокоилась.

Колёса катились по траве, поднимая за собой пыльный след, а «Шторьх» переваливался на кочках, пока, наконец, не начал замедляться.

Впереди была рощица – Лёха повёл самолёт в её сторону, так, чтобы он оказался в тени деревьев, подальше от лишних глаз.

Они сели. Человек не из этого времени выдохнул. Небо отпустило их.

Самолёт, преодолев последние метры по полю, наконец замер у края рощицы. Товарищ пилот выключил зажигание, мотор вздрёнулся напоследок и захлебнулся тишиной. После гула винта и вибрации фюзеляжа тишина буквально оглушила.

Лёха обернулся назад и увидел, как Илья Старинов, раскорячившись и уперевшись ногами в стойки, вцепился в пулемёт, словно это был последний якорь в бушующем океане.

– Ну и как тебе полёт? – с нервной усмешкой поинтересовался Лёха.

Старинов, не спеша завозился, сделал кислую мину.

– Уже всё? Можно перестать бояться? Да как на телеге по булыжной мостовой, только ещё веселее, – пробурчал он. – Если бы не этот чёртов пулемёт, вообще кайф.

Ловкий погонщик немецкой табуретки, правда, уже, похоже, в отставке, хмыкнул, выскочил из кабины, вдохнул воздух и сморщился.

Пахло бензином. Резко и сильно.

Не туманным следом, который мог остаться от утечки в воздухе, а живым, свежим запахом, явно подсказывающим, что где-то топливо продолжает сочиться.

Лёха быстро пробежался вокруг самолёта, пытаясь увидеть пятна на фюзеляже или траве.

– Держись, Илья, сейчас тебя выгружу, – бросил он через плечо.

– Неужели долетались? – проворчал Старинов, пытаясь разогнуться.

Переквалифицированный в механика пилот, подбежал, помог Илье выбраться из кабины, стараясь не задеть его раненую ногу.

– Давай я тебя вон туда, к деревьям оттащу. С пулемётом. Гляди в сторону дороги, а я пока посмотрю, где у нас течёт.

Старинов, захватив пулемёт и передвигаясь с осторожностью, улёгся в тени, у корней дуба, взглянул в сторону дороги, что виднелась метрах в трёхстах за перелеском.

– Какие у нас планы, товарищ воздушный извозчик? Ты, кстати, уверен, что нас тут никто не заметит? – спросил он, вытягивая ногу и закусывая губу от боли.

– Если нас заметят, ты об этом узнаешь первым, – бросил Лёха, залезая под крыло, – просто потому что в тебя начнут стрелять.

– Оптимистично, Хренов! Исключительно оптимистично! Я вообще хочу заметить, что флотские лётчики вообще производят впечатление самых позитивно заряженных людей человечества! После минёров, конечно.

Товарищ проигнорировал это замечание, откручивая крепёж и начиная снимать обшивку.

– Илья, лучше скажи, что будем делать, если бак пробит так, что залатать невозможно?

Старинов покрутил головой, оценивая местность.

– Тогда уходим пешком. Ты помнишь, что я с простреленной ногой? Придётся тебе захватывать средство передвижения!

Лёха вытащил одну из панелей обшивки потолка кабины, покрутил её в руках и, не сомневаясь, выкинул в сторону леса. Он заглянул внутрь, пошарил рукой, куда смог дотянуться. Запах бензина стал резче.

Он выругался.

– Дерьмо...

– Нашёл? – раздался крик Старинова.

– Похоже, нашёл. И оно мне не нравится.

Алексей Хренов глянул на Старинова.

– А у тебя нож есть?

Глава 6. Удача пахнет керосином

Вторая половина июня 1937 года. Склады у железнодорожной станции города Авила.

Где-то на окраине Авилы, у склада возле железнодорожной станции, в воздухе стоял тяжёлый запах бензина, пота и пыли. Жара раскаляла рельсы и крыши вагонов, солнце отражалось от металлических бочек, сложенных неподалёку от грузовика. Топливо выгрузили с эшелона, пришедшего в конце прошлой недели, и теперь распределяли по разнообразным потребителям. Аэродром Авилы был в числе приоритетных, бывало, их машины приходили до четырёх-пяти раз в день.

Фельдфебель, невысокий, но жилистый немец, стоял, уперев руки в бока, и наблюдал за работой. Топливо пришло из Германии, и он собирался лично проследить, чтобы ни одна капля не исчезла на сторону у этих испанских бездельников. Испанские солдаты, ворча и переглядываясь, катили тяжёлые бочки по деревянному настилу. Одна глухо бухнулась на подстилку из мешков, другая чуть было не прищемила ногу грузчику, но тот вовремя отпрыгнул.

Основная колонна ушла уже часа два назад, а его грузовик застрял на этом проклятом складе. Сначала молодой и неопытный водитель заглох, сдавая задом, и никак не мог завести новый немецкий грузовик. А потом прямо перед ним влезли танкисты со своим лейтенантом. Против лейтенанта он не потянул по званию, и пришлось ждать.

В кузове грузовика «Опель Блиц» уже ждали отправки ряды аккуратно поставленных бочек. Пространства оставалось немного, но нужно было втиснуть ещё канистры, и испанцы попытались просто набросать их сверху. Рывкнув, как рассерженный лев в зоопарке, фельдфебель добился, чтобы каждая бочка и канистра была ровно поставлена и плотно зафиксирована. Он лично проследил, чтобы ничего не вытекало и все крышки были надёжно закручены.

– Давай быстрее! – рывкнул он, похлопав себя по ремню, где висел парабеллум.

Испанцы бурчали что-то явно нелицеприятное для него себе под нос, но ускорились. Они запихали последние канистры, ещё раз проверили, чтобы груз не болтался слишком сильно, и наконец работа была закончена. Грузовик был загружен под завязку – три тонны, не меньше.

Фельдфебель довольным взглядом окинул машину, покрутил в руках ремень планшетки и подписал кладовщику накладные. Он вытер ладонью пот со лба, показывая, как он устал, словно лично перетаскал все бочки. Удовлетворённо кивнув, фельдфебель махнул рукой:

– Готово. Поехали!

Двое испанцев с винтовками забрались в кузов и уселись у заднего борта на узких деревянных лавках, привычно поставив оружие между ног и придерживая его коленями.

Сам фельдфебель залез в кабину, важно плюхнувшись на место пассажира.

За рулём сидел ещё один немец – молодой водитель из снабженцев, обиженный на фельдфебеля за утреннюю выволочку и теперь угрюмо сопящий в усы.

Мотор рыкнул и мерно заурчал, грузовик качнулся, взревел выхлопной трубой и медленно тронулся в сторону выезда из города. Колёса с глухим звуком вкатывались в выбоины грунтовой дороги, подвеска жалобно скрипела. В кузове бочки лязгали, канистры подпрыгивали на каждой кочке, создавая глухой дребезг.

Испанцы, сидящие сзади, переговаривались вполголоса, сплёвывали в пыль, лениво озирались по сторонам. Пропетляв минут десять по кривым улочкам города грузовик выехал на грунтовое шоссе. Скрытые тентом кузова от глаз немецкого надсмотрщика, испанские карабинеры украдкой достали сигареты и, наплевав на технику безопасности, закурили. Немецкий фельдфебель молчал, сосредоточенно глядя вперёд. Ему было плевать на неудобную дорогу, мрачного водителя и на болтовню этих испанских чертей.

Мыслями он был далеко, дома в Аугсбурге, размышляя и подсчитывая, сколько марок у него должно остаться после этой испанской кампании и хватит ли этого, чтобы посвататься к Грете, дочке бакалейщика через дорогу от его дома.

Вторая половина июня 1937 года. Дорога от железнодорожной станции города Авила до аэродрома.

Лёха, не теряя времени, экспроприировал у Ильи нож, упёрся в сиденье и начал разрывать обшивку потолка кабины. Края ткани поддались легко, потянув за собой куски утеплителя, а следом открылся доступ к баку, топливопроводам и прочей тряхомудии, культурно спрятанной под панелями.

Снизу бак выглядел вполне себе целым. Лёха провёл рукой по металлу, нащупал края пробоин и хмыкнул.

– Ну, что сказать... Илья! Нашему везению можно позавидовать!

– Повезло? – недоверчиво буркнул Илья, пытаясь поудобнее устроиться у дерева. – Ты вообще слышишь себя?! У нас пробитый бак, нет топлива, мы сидим в чёрте-каких кустах, и ты говоришь "повезло"?!

Лёха усмехнулся и похлопал по баку.

– Ага. Потому что могло быть значительно хуже.

Пуля прошила бак наискось – аккуратная дырочка на входе, чуть выше ребра, где днище переходит в боковую стенку. На выходе, правда, дело обстояло хуже – там она уже прилично разорвала металл, пробив верхнюю поверхность бака.

Но бак не взорвался и не потёк, как душлаг. В нынешнем состоянии из 240 литров полной заправки в баке осталось литров десять, может, пятнадцать. Именно они плескались внутри, тихонько перекачиваясь при каждом движении.

И это был шанс.

Лёха внимательно, буквально по сантиметру, исследовал бак из кабины, потом даже залез снаружи на крыло, осмотрел повреждения. Самозванец, выдающий себя за механика самолёта пришёл к своему, единственно правильному мнению – залатать можно.

Он огляделся, подобрал палку подходящего размера и сунул её Илье в руки вместе с ножом:

– Давай. Строгай чопики! Первый вот такого примерно размера. – Он продемонстрировал Илье свой грязный большой палец.

Илья удивлённо повертел палку в руках, потом посмотрел на новоявленного учителя, явно ожидая обоснования нарезанного ему фронта работ.

– Хренов, я тебе плотник, что ли?!

– Ты не плотник! Ты артист деревянного зодчества. – Лёха заржал. – Ну и спаситель наших задниц по совместительству! Так что ты лежишь тут, или сидишь и стругаешь, пока я бегаю вокруг самолёта и разбираюсь с повреждениями.

– Прямо сейчас начинать или можно перекурить перед трудовым подвигом?

– Курить вредно! – безапелляционно произнес сторонник ЗОЖ – да и сигарет нет больше.

– Ну, если хочешь, могу тебе ещё политинформацию прочитать взамен. Не хочешь? Зря ты отказываешься от политического просвещения в трудной боевой обстановке да ещё и от своего проверенного товарища!

– Иди, балаболка, проверяй свой аэроплан, язык у тебя без костей! – отозвался Стаинов, начав выстрегивать.

Видимо, на нервах словесный понос мутной волной подхватил нашего товарища и унёс. Илья вздохнул, улыбнулся, обречённо махнул рукой и начал строгать. Лёха почувствовал прилив бодрости. Настроение резко улучшилось.

А почему бы и нет?

Мало того, что они живы, так ещё и есть реальный шанс улететь отсюда. Лететь гораздо быстрее, чем шариться по вражеской пересечённой местности, прячась от патрулей и рискуя получить пулю.

Плюс ко всему – он летать любил. А бегать – вот совсем не очень.

Так что идея была отличной. Он заглянул в самолёт, посмотрел на приборную панель. Стрелка топливомера почти упала в ноль, но топливо явно хлюпало в баке. Значит, если заделать пробоину, ещё можно будет что-то вытянуть.

– А бензин ты где возьмёшь? – саркастически спросил Илья, не отрываясь от выстругивания деревянных затычек.

Лёха лукаво усмехнулся, щёлкнул пальцами и со всей уверенностью в мире выдал:

– Скоро испанцы привезут.

Старинов замер, перевёл на него подозрительный взгляд и недоверчиво переспросил:

– Какие ещё испанцы?!

– Те, что везут топливо на аэродром. Они скоро подъедут, а мы у них его экспроприруем.

Илья отложил нож, глубоко вздохнул, задумчиво почесал затылок и посмотрел на Лёху, как на психа.

– Ты сейчас серьёзно?!

– Как никогда.

– То есть ты хочешь сказать, что где-то тут, неподалёку, к нам едет грузовик с горючкой, и мы такие выйдем, помашем ручкой, и они сами нам его добровольно отдадут?

– Почти добровольно. Только не машем, а целимся, и не ручкой, а пулемётом.

Видя непонимающее лицо Старинова, Лёха решил снизить до объяснений:

– Илья, смотри. – Наш герой махнул рукой вправо. – Туда километров через семь – восемь аэродром франкистов.

Потом менеджер логистики махнул лапой в другую сторону.

– А туда – примерно столько же станция со складами, куда приходит топливо. Знаешь, сколько истребитель жрёт топлива за вылет? А бомбер? Лично я заливал... – поймав скептический взгляд Старинова, товарищ менеджер решил честно уточнить:

– Ну ладно, ладно, спиз.... видел в общем, как заливают почти полторы тысячи литров.

Прямо на аэродром железка не приходит, значит, и бензовозы сновать должны тут регулярно.

– Главное, чтобы они не катались колоннами под прикрытием солдат. Но тут тыл... Был, до нашего появления, так что вряд ли они так уж перестраховываются. Да и думаю, у них на весь аэродром один-два бензовоза.

Так что ждём "поставщиков топлива".

Старинов нахмурился, окинул взглядом лес, дорогу, затем Лёху и, наконец, пулемёт.

– Знаешь, Лёша, у меня есть одна большая просьба.

– Какая?

– Если нас в итоге пристрелят за твои охренительные идеи, скажи мне об этом заранее. Я хоть присяду, чтобы не падать с высоты.

Лёха расхохотался:

– Договорились! Ты одним глазом следи за нашими "поставщиками топлива" на дороге!

Старинов тяжело вздохнул и продолжил строгать чопики.

А Лёха удовлетворённо кивнул и помчался осматривать самолёт на предмет прочих повреждений.

Вторая половина июня 1937 года. Аэродром Сото, окрестности Мадрида.

Утром Иван Евсеев ходил мрачным, хотя сам не понимал, отчего так скверно на душе. Нет, он не жаловался на жизнь, не терзался отчаянием, но где-то внутри грызло неприят-

ное чувство вины, липкое, как смола. Он старался отмахнуться, но оно цеплялось, скреблось, нащёптывало что-то неприятное.

Вчера на аэродром нагрянул местный НКВДшник с водителем. Невысокий, с обширными засылинами и колючими глазами, несмотря на такую жару он был кожаном плаще. Он деловито расспрашивал пилотов о том самом вылете, когда Ивана сбил его собственный ведомый. Иван невольно напрягся, ожидая, что сейчас начнётся классический допрос: «Как стрелял? Куда попал? А не специально ли?» Но оказалось, что чекиста больше интересовал не он, а ... Алексей Хренов.

Когда это выяснилось, Иван внутренне расслабился, но всё равно отвечал на вопросы сдержанно, рублено: «Да» и «Нет». Всё остальное пускай объясняет Казаков. В конце концов, он здесь командир. Однако, несмотря на облегчение, ощущение, будто он чем-то подставил Хренова, никуда не делось.

Чекист ушёл к начальству, к Осадч... хм. Точнее, тут его звали Казаковым и он терпеть не мог, когда кто-то ошибался в фамилии.

Иван поморщился, вспоминая этого нахального морского бомбера, который умудрялся сочетать в себе и отвагу, и цинизм, как будто одно поддерживало другое.

Хренов. Этот бомбер ещё и спорил с ними, с ним и с Казаковым, спорил до хрипоты, размахивал руками, показывал перестроения самолётов в воздухе. Говорил, что нужно летать парами, а не тройками. Казаков тогда смотрел на него исподлобья, но Иван заметил, через пару дней Казаков «втихаря» из двух троек сделал три пары. И летать сразу стало удобнее. А Хренов? Этот наглец лишь ухмыльнулся при очередном прилёте на своей летающей табуретке в цветах врага, и больше на эту тему ничего не говорил. Словно знал, что так и будет.

А потом... потом Иван вспомнил Надю.

Надю из «Комсомольской правды». Когда он впервые увидел её в Мадриде, его словно ударило током. Он влюбился без памяти, как мальчишка. Пытался ухаживать, оказывать знаки внимания, а она... она улыбалась, благодарила, но смотрела как-то мимо, будто мысли её были где-то далеко.

Позавчера Надя примчалась в Сото. Иван помнил этот момент до мелочей: её покрасневшее от быстрой езды лицо, волосы, выбившиеся из-под берета, рыжие кудри и широко распахнутые глаза, полные тревоги.

– А где Алексей?! – первое, что она спросила, даже не поприветствовав никого.

Иван помнил, как у него внутри что-то оборвалось. Он стоял молча, сжав кулаки в карманах, пока кто-то из механиков говорил, что Хренов улетел в ночь перед ее приездом. Он увидел, как погасли её глаза, как она прикусила губу и отвернулась, будто не хотела, чтобы кто-то увидел её разочарование.

Тогда ревность ударила в грудь, растеклась по телу горячей волной, заставила сжать зубы. Он боролся с ней, гнал прочь, но она не уходила. Потом вроде бы отпустило, но ненадолго. Она просто спряталась в угол сознания, поджидая удобного момента.

А теперь вот это чувство вины... Может, его подкормили остатки ревности? А может, просто было стыдно перед тем парнем, кто его спас?

Он плюнул, решив больше не копаться в себе. Лучше уж лететь в бой, чем гонять по кругу бессмысленные размышления.

Сегодня их «ишачки» – две пары – сопровождали три пары И-15-х, летящих на штурмовку с бомбами. Настоящие истребители прикрывали братьев-«чайников» – впервые за утро улыбнулся Иван, это было важно. А остальное...

С остальным разберёмся потом.

Вторая половина июня 1937 года. Дорога от железнодорожной станции города Авила до аэродрома.

Минут через тридцать чопики были готовы. Один потолще и подлиннее, другой потоньше и покороче, оба с небольшой конусностью. Илья выстругал их с таким усердием, что хоть в музей деревянных изделий отправляй.

Лёха взял их в руки, покрутил, оценил работу.

– Ну вот! – довольно сказал он, покачивая головой. – Надо бы ещё резьбу по дереву добавить, вообще произведение искусства было бы.

– Иди ты к нафиг! – отмахнулся рукой Илья. – Теперь забивай их сам, тут я тебе не помощник.

Лёха хмыкнул, залез в кабину и начал установку затычек. На забивание у него ушло ещё полчаса. Подручных инструментов не было, так что Лёха использовал всё, что мог – рукоятку ножа, приклад пистолета, собранные в округе булыжники – лишь бы чопики сели как можно плотнее.

Закончив, он сел на край кабины, вытер пот с лица и осмотрел свою работу.

Нижний чопик сидел как влитой. Ни одной капли не просочилось.

– Ну, этот держать будет. – констатировал Лёха, похлопав по нему ладонью.

А вот верхний...

С ним всё было не так радужно. Там и дырка была более рваная, и края загнулись наружу, и сам чопик побольше

– Как он тебе? – поинтересовался Старинов, с любопытством наблюдая Лёхину суету.

– Сел, конечно. – Лёха ещё раз влез на вернее крыло и оглядел бак. – Но если на взлёте начнёт трясти как следует, я бы на него не поставил.

– То есть либо мы полыхнём ярким факелом, либо мы взлетим и будем нюхать пары бензина? – попытался пошутить Илья.

– Примерно так. – улыбнулся в ответ наш герой.

– Лёша, ты мне и нервы лечишь.

– Не благодари. Посттравматические стрессовые расстройства психики – мой конёк! – не задумываясь выдал в ответ наш попаданец, чем вызвал очередную оторопь у Старинова.

Лёха вновь отряхнулся, стряхнул древесную стружку с ладоней и вылез из кабины.

Теперь оставалось главное – достать топливо.

За всё время ремонта по дороге прошло несколько машин – в сторону города.

Как всё гениальное засада была устроено просто. Илью с пулеметом устроили в кустах с одной стороны дороги. Лёха занял позицию с другой и ближе к городу. Илья должен был дать очередь по кабине и остановить бензовоз. Лёха отстрелить выскочивших из кузова солдат. И вуаль! Бензин наш!

На такую засаду Старинов плевался, как верблюд обожравшийся колючек, но ничего лучшего в их репертуаре не проглядывалось.

Минут через двадцать в сторону города показалась неторопливо ковылявшая телега с сеном, управляемая стариком, который выглядел так, будто застал ещё Наполеона.

Старик держался прямо, а его тёмные глаза бегло оглядывали местность, словно оценивали дистанцию для стрельбы.

Лёха тихо наблюдал за ним из-за кустов, но дед будто почувствовал его взгляд. Кобыла, пыхтя, остановилась прямо напротив Лёхи.

– Эй! Военный! – внезапно крикнул старик, щурясь и глядя прямо на него. – Здесь плохое место прятаться! Тебя издалека видно!

Глава 7. Лайди-лайди, лайди-лайдай...

Вторая половина июня 1937 года. Дорога от железнодорожной станции города Авила до аэродрома.

Через двадцать минут вдали показалась неспешно приближающаяся запряжённая в нагруженную сеном телегу лошадь, которая выглядела так, словно успела поучаствовать во вторжении в Россию вместе с самим Наполеоном. Управлял ею сухощавый, морщинистый дед. Старик сидел с прямой спиной, словно на параде, а его цепкий и внимательный взгляд быстро скользил по окружающей местности, будто высчитывал дистанцию до цели перед выстрелом.

Лёха, старательно укрывшись в кустах, не сводил с него глаз. Однако погонщик кобылы, казалось, просветил кусты рентгеном. Он слегка натянул вожжи, и кобыла, пыхтя и недовольно поводя ушами, остановилась прямо напротив укрытия Лёхи.

– Эй, военный! – вдруг окликнул старикан с телеги, прищулив один глаз и внимательно вглядываясь в зелень. – Ты что, думаешь, хорошо спрятался? Да тебя за километр видно!

Лёха поморщился, не торопясь встал, отряхнулся и спокойно вышел из укрытия.

– Добрый день, уважаемый! Как ваши дела, какие виды на урожай? – Лёха включил максимум своего обаяния и знания испанского.

Через пару минут обсуждения кто, кого и сколько раз, а также откуда он и почему говорит, растягивая слова, как эти лентяи с юга, дед воскликнул:

– О! Россия! – тон его резко сменился. – Молодец, Россия! Ты лучше отойди вон до тех камней! Там самое место засаду устраивать!

Он ткнул костлявым пальцем метров на триста дальше по дороге, где виднелась груда камней.

– Там поворот, дальше отличное место для охоты. Как достали эти немцы и итальяшки! Всё поворовали, всё отняли... Фача гаврон! Девочек всех перепортили! – продолжал жаловаться дед.

Лёха молча слушал, а старик тем временем, вдохновлённый вниманием, ударился в воспоминания.

– Эх, мало я этих немцев пострелял в ту Мировую войну! – проворчал он, хрустнув костяшками пальцев.

– Когда это вы воевали? Испания же нейтральной была.

– Ох, давали мы жару! – дед расправил плечи. – Целый испанский батальон был у лягушатников в их Легионе! Шеф-сержант! А воевать я начал ещё на Кубе, и с Америкой больше десяти лет сражался!

Лёха усмехнулся. Вот тебе и незаметный деревенский старик.

– Поезда под откос пускал лет десять после окончания войны? – пошутил он.

– Нет! Поезда не удалось! – расстроено произнёс не понявший шуточки дед. – Вот паром, да! Взорвал! – лицо престарелого милитариста снова расцвело радостью от воспоминаний.

На вопрос о еде дед молча полез в узел, достал половину круглого каравая хлеба, пару луковиц и огурцов, аккуратно завернутых в чистую тряпочку.

Лёха без слов вспорол шов подкладки своей куртки, вытащил золотую монету в 25 песет и протянул старику.

– Спасибо. Это тебе, отец.

Старик отшатнулся, будто увидел призрак.

– Ты что, Россия?! – в ужасе запротестовал он. – Сейчас бумажные деньги ничего не стоят! Это много! Очень много! У меня телега с лошастью меньше стоят! А тебе ещё далеко идти!

Лёха приподнял брови, задумался... и тут его осенило.

– Дед! А давай я у тебя её куплю!

Старик настороженно прищурился.

– Кого купишь?

– Телегу и лошадь куплю!

– А тебе она зачем, моя Динамита?

Лёха глянул на дорогу, затем снова на старика.

– Смотри... Ты подъедешь вон туда, за камни, встанешь, сено сбросишь. – Он ткнул пальцем в сторону каменной насыпи.

– Будто авария. Так, чтобы телега или машина с трудом, но проехали, а грузовик – уже не смог.

– И зачем? – старик всё ещё не понимал гениального замысла нашего попаданца.

– Если испанцы – подвинешься чуть, чтобы проехали. А если немцы или итальянцы – падай и прячься.

Старик нахмурился.

Лёха выдохнул и добавил, не скрывая ухмылки:

– Грузовик встанет, немцы выйдут, начнут орать... А тут мы их и прищучим.

Старик потёр подбородок, недоверчиво покачал головой, явно взвешивая предложение.

– Хитро ты задумал... Динамиту только жалко! Так мою кобылу зовут, – пояснил дед. – Ей, конечно, не сегодня-завтра уже пора на встречу с создателем, но всё равно жалко её...

Он молчал добрую минуту, потом махнул рукой и забрал золотую монетку:

– Ладно. Смерть в бою всё лучше, чем на колбасу переработаться! И этих фашистов, как ты сказал, прижучим. Но если моя кляча выживет – я её заберу обратно!

Лёха улыбнулся и кивнул:

– Договорились.

Легче всего прошло перемещение Ильи. Дед, увидев ещё одного русского с автоматическим дрыном в руках, заулыбался, долго и любовно гладил пулемёт, бормоча испанские ругательства.

– Лёша, а о чём дед разговаривает с пулемётом? – поинтересовался Старинов.

Наш полиглот прислушался, после чего синхронно перевёл:

– "Сын грязной шлюхи, какая же ты чудесная, ебу**ая адская пиписька! Святое дерьмо, как же мне твоей зашибенной поливалки не хватало на Кубе! С тобой мы бы размазали тех поганых абизянов в полный дерьмовый фарш..."

Дед явно был в восторге, и, кажется, будь у него возможность, он бы ещё и поцеловал пулемёт, но Старинов поспешил забрать свой агрегат подальше, пока тот не начал делать с оружием что-то совсем непристойное.

Спустя пять минут... Телега со сброшенным сеном застряла поперёк дороги. Кляча спокойно стояла, пережёвывая роскошное пиршество рядом с собой, не подозревая, что участвует в гениальной военной операции. Дед, словно старый полковой конь при звуках трубы, взбодрился, вытащил из телеги устрашающих размеров тесак, ускользнул на безопасное расстояние и затаился в зарослях.

– Да, Хренов! Тебе точно в диверсанты переквалифицироваться нужно! – промямлил свою мысль Илья, активно заталкивая в рот хлеб с луком.

Лёха хмыкнул в ответ, хрустя огурцом:

– Мы храбрые разведчики, трусливые шпионы – это у врага! Ну что, ждём гостей?

И буквально через десять минут неспешного ожидания на горизонте показалось облако пыли...

– Илья! Внимание! Кто доставку бензина заказывал?!

Вторая половина июня 1937 года. Палаточный городок немецкой эскадрильи, аэродром в окрестности города Авила.

Гауптман Кнюппель встал сегодня с ощущением, что день обещает быть дрянным. С утра он уже успел выслушать несколько докладов о текущей обстановке, и чем дальше шло утро, тем мрачнее становилось его настроение.

После подрыва туннеля снабжение аэродрома превратилось в настоящий кошмар. Весь бензин, что у него был, ушёл подчистую на предыдущие вылеты. Теперь каждый литр топлива был на вес золота, и получить новый было практически невозможно. Туннель, через который шли основные поставки из Саламанки до железнодорожной станции Авила, теперь представлял собой груды дымящихся камней. Испанцы, конечно, уже начали строить временную платформу перед завалом и прокладывать дорогу к ней, но это было делом не одного дня, а топлива не хватало уже сейчас.

Он раздражённо сунул в рот сигару, но даже не смог её подкурить – не было времени. Кнюппель провисел на телефоне почти час, пытаясь выбить хоть пару бензовозов из командования снабжения. Те, в свою очередь, распинались о сложностях, о перегруженности логистики и о том, что приоритет у крупных аэродромов, а не у их "дырявой задницы в испанской пустыне", как выразился один из интендантов.

– Schweinehund! – сплюнул Кнюппель, грохнув трубку о стол.

Вместе с бензовозами он был вынужден отправить обычные бортовые машины, в надежде разжиться бензином в бочках.

Теперь им придется делать огромный крюк, тащиться по разбитым дорогам далеко в сторону, что только усугубляло ситуацию. Это означало дополнительные километры, лишний расход и так дефицитного топлива и, как итог, ещё больше головной боли.

Он выдохнул и посмотрел на расписание вылетов. Конечно, об интенсивных операциях можно было забыть. Без бензина не было ни ударных миссий, ни долгих патрулей. Каждый взлёт теперь стоил как маленькое состояние.

Кнюппель, нахмурившись, скользнул взглядом по списку лётных экипажей. Внутренне ругнувшись, он пересчитал прикинул оставшиеся топливные ресурсы и отдал короткий приказ:

– Взлетают только два "Хенкеля 51" на патрулирование. Всё остальное – к чёрту!

Офицеры молча переглянулись, но спорить не стали.

– Выберите самых опытных. Без фокусов. Разделите район патрулирования. Горючее – считать на каждом этапе. Если увидят что-то подозрительное, сразу доклад, желательно без погонь и перестрелок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.